ТРЕТИЙ ГОД ИЗДАНИЯ

РОССІЙСКАЯ СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТІЯ

ИСКРА

„Изъ искры возгорится пламя!“...
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину

№ 51 22 ОКТЯБРЯ 1903 ГОДА. № 51

ПОЛОЖЕНИЕ БУНДА В ПАРТИИ.

Под таким заглавием Бунд выпустил перевод статьи из № 34 «Arbeiterstimme»[1]. Статья эта, присоединенная к решениям V с'езда Бунда, является как бы официальным комментарием к ним. Здесь делается попытка систематически изложить все доводы, которые заставляют прийти к выводу, что Бунд «должен быть федеративною частью партии». Интересно рассмотреть эти доводы.

Автор начинает с того, что самый жгучий вопрос, стоящий перед российской социал-демократией, это — вопрос об об'единении. На каких основаниях может оно произойти? Манифест 1898 г. взял за основание принцип автономии. Автор разбирает этот принцип и находит, что он логически несообразен, внутренне противоречив. Если понимать под вопросами, специально касающимися еврейского пролетариата, только вопросы о способах агитации (применительно к особому языку, особой психологии, особой культуре евреев), то это будет техническая (?) автономия. Но такая автономия означает уничтожение всякой самостоятельности, ибо ею пользуется всякий комитет партии, а приравнение Бунда к комитетам есть отрицание автономии. Если же понимать под автономией автономию в некоторых программных вопросах, то нелепо лишать Бунд всякой самостоятельности в остальных программных вопросах; самостоятельность в программных вопросах непременно предполагает представительство Бунда как такового в центральных органах партии, т. е. не автономию, а федерацию. Прочного базиса для положения Бунда в партии надо искать в истории еврейского революционного движения в России. Эта история показывает нам слияние всех организаций, ведущих работу среди еврейских рабочих, в один союз — Бунд и расширение его деятельности с Литвы на Польшу, а затем на юг России. История, следовательно, опрокинула все районные перегородки и выдвинула Бунд как единственного представителя еврейского пролетариата. Вот принцип, который не есть плод досужего ума (?), а является результатом всей истории еврейского рабочего движения: Бунд есть единственный представитель интересов еврейского пролетариата. А, разумеется,организация пролетариата целой национальности может войти в партию только при федеративном ее устройстве: еврейский пролетариат есть не только часть всемирной семьи пролетариев, но и часть еврейского народа, занимающего особенное положение среди других народов. Наконец, тесное единение между частями партии выражается именно в федерации, ибо основной признак этой последней —непосредственное участие в делах партии каждой составной ее части; все части партии чувствуют себя тогда равноправными. Автономия же предполагает бесправность частей партии, равнодушие к общим делам, взаимное недоверие, трения и столкновения.

Такова аргументация автора, изложенная нами почти исключительно в собственных его выражениях. Она сводится к трем пунктам: к соображениям общего свойства насчет внутренней противоречивости автономии и непригодности ее с точки зрения тесного единения частей партии; к урокам истории, которая выдвинула Бунд как единственного представителя еврейского пролетариата, и, наконец, к ссылке на то, что еврейский пролетариат есть пролетариат целой национальности, занимающей особенное положение. Автор хочет опереться, следовательно, и на общие организационные принципы и на уроки истории, и на идею национальности. Автор старается, надо отдать ему справедливость, рассмотреть вопрос со всех сторон. И именно поэтому его изложение так выпукло оттеняет позицию, занятую Бундом в волнующем всех нас вопросе.

При федерации, говорят нам, части партии равноправны и участвуют в общих делах непосредственно; при автономии они бесправны и, как таковые, в общепартийной жизни не участвуют. Рассуждение это относится целиком к области наглядных несообразностей,— оно похоже, как две капли воды, на те рассуждения, которые математики называют математическими софизмами и в которых,—строго логичным, на первый взгляд, путем,—доказывается, что дважды два пять, что часть больше целого и т. д. Существуют сборники таких математических софизмов, и учащимся детям они приносят свою пользу. Но людям, которые мнят быть единственными представителями еврейского пролетариата, неловко даже раз'яснять столь элементарный софизм, как различное понимание «части партии» в двух половинах одного и того же рассуждения. Когда говорят о федерации — под частью партии разумеют сумму организаций в разных местностях; когда говорят об автономии, под частью партии разумеют каждую отдельную местную организацию. Поставьте рядом в один силлогизм эти якобы тождественные понятия, и вы получите неизбежный вывод, что дважды два пять. И если бундовцам все же неясна суть их софизма, то они могут заглянуть в свой собственный устав - максимум и увидеть там, что именно при федерации местные организации сносятся с центром партии посредственно, а при автономии — непосредственно. Нет, лучше бы уже не говорить нашим федералистам о «тесном единении»! Опровергая то положение, что федерация означает о б о с о б л е н н о с т ь, а автономия — с л и я н и е частей партии, можно только людей насмешить.

Немногим удачнее попытка доказать «логическую несообразность» автономии, производимая посредством разделения этой последней на программную и техническую. Самое уже это разделение в высшей степени

несуразное. Почему вопросы о специальных способах агитации среди еврейских рабочих могут быть названы техническими? Причем тут техника, когда речь идет об особенностях языка, психологии, условий быта? Как можно говорить о самостоятельности в программных вопросах по поводу, например, требования гражданского равноправия евреев? Программа социал-демократии выставляет только основные требования, общие всему пролетариату, независимо от профессиональных, местных, национальных, расовых различий. Эти различия обуславливают то, что одно и то же требование полного равенства граждан перед законом порождает агитацию в одном месте против одного вида неравноправности в другом месте или по отношению к другим группам пролетариата против другого вида неравноправности и т. д. Один и тот же программный пункт применяется различно в зависимости от различия условий быта, различия культуры, различия соотношения общественных сил в разных областях страны и т. д. Агитация за одно и то же программное требование ведется различными способами, на разных языках, применительно ко всем этим различиям. Автономия в вопросах, касающихся специально пролетариата известной расы, известной нации, известного района, означает, следовательно, что определение специальных требований, выставляемых во исполнение общей программы, определение способов агитации предоставляется самостоятельному решению соответствующей организации. Партия в целом, ее центральные учреждения устанавливают общие основные принципы программы и тактики; различные же способы проведения на практике и в агитации этих принципов устанавливаются различными подчиненными центру организациями партии соответственно местным, расовым, национальным, культурным и т. д. различиям.

Спрашивается, неужели такое понятие автономии неясно? И не чистейшей ли схоластикой является разделение автономии в программных и в технических вопросах?

Посмотрите, как «логически разбирается» понятие автономии в рассматриваемой нами брошюре. «Из всей массы вопросов, с которыми приходится иметь дело социал-демократии»,—говорит эта брошюра по поводу принципа автономии, положенного в основу манифеста 1898 года,—«выделяются (sic!!) некоторые вопросы, относительно которых признается, что они касаются специально еврейского пролетариата... Автономность Бунда кончается там, где начинается область общих вопросов... Отсюда вытекает двойственное положение Бунда в партии: в специальных вопросах он выступает как Бунд... в общих вопросах он теряет свою физиономию и приравнивается к простому комитету партии»... Социал-демократическая программа требует полного равенства всех граждан перед законом. Во исполнение этой программы еврейский рабочий в Вильне выставляет одно специальное требование, а башкир-рабочий в Уфе—совершенно другое специальное требование. Значит ли это, что «из массы вопросов» «выделяются некоторые»? Если общее требование равноправности проводится в жизнь выставлением ряда специальных требований об уничтожении специальных видов неравноправности, то неужели специальные вопросы выделяются тут из общих вопросов? Специальные требования не выделяются из общих, а ставятся во исполнение общих требований программы. Выделяется то, что специально касается еврея в Вильне, от того, что специально касается башкира в Уфе. Обобщение их требований, представительство их общих классовых интересов (а не специальных, профессиональных, расовых, местных, национальных и т. п.) есть дело всей партии, дело партийного центра. Казалось бы, дело это довольно ясное! Запутали же его бундовцы потому, что вместо логического разбора еще и еще раз дали нам образчики логических несообразностей. Они абсолютно не поняли отношения общих требований социал-демократии к специальным. Они вообразили, что «из всей массы вопросов, с которыми приходится иметь дело социал-демократии, выделяются некоторые», тогда как на самом деле каждый вопрос, затрагиваемый нашей программой, есть обобщение целого ряда специальных вопросов и требований; каждый программный пункт является общим для всего пролетариата, подразделяясь в то же время на специальные вопросы в зависимости от различия профессий пролетариев, их условий быта, языка и проч. и проч. Бундовцев смущает противоречивость и двойственность положения Бунда, состоящая, видите ли, в том, что в специальных вопросах он выступает как Бунд, а в общих теряет свою физиономию. Небольшое размышление показало бы им, что такая «двойственность» существует в положении безусловно всякого рабочего социал-демократа, который в специальных вопросах выступает как представитель известной профессии, как член известной нации, как житель известной местности, а в общих вопросах «теряет свою физиономию» и приравнивается ко всякому другому социал-демократу. Автономия Бунда, по уставу 1898 года,—явление, совершенно однородное с автономией Тульского Комитета; только пределы этой автономии несколько иные и несколько более широкие в первом случае, чем во втором. И ровно ничего, кроме вопиющей логической несообразности, не заключается в следующем положении, которым Бунд опровергает такой вывод: «если Бунду предоставляется самостоятельность в некоторых программных вопросах, то на каком основании он лишается всякой самостоятельности в остальных программных вопросах?» Это противопоставление специальных вопросов общим, как «некоторых»—«остальным», есть бесподобный образчик бундовского «логического разбора»! Люди никак не могут понять, что это значит противопоставлять различный цвет, вкус и запах отдельных яблок числу «остальных» яблок. Смеем вас уверить, господа, что не только некоторые, а каждое яблоко имеет тот или иной специальный вкус, цвет и запах. Не только в «некоторых», а во всех без исключения программных вопросах предоставляется вам самостоятельность, господа, но именно постольку, поскольку речь идет о применении этих вопросов к специальным особенностям еврейского пролетариата. Mein teuerer Freund, ich rath'Euch drum zuerst Collegium logicum!

Второй аргумент бундовцев состоит в ссылке на историю, которая будто бы выдвинула Бунд как единственного представителя еврейского пролетариата.

Это положение, во-первых, неверно. Сам автор брошюры говорит, что «работа других организаций» (кроме Бунда) в этом направлении (т. е. работа среди еврейского

пролетариата) или ничего не дала, или дала не стоящие внимания результаты». Значит, работа велась, по его собственному признанию, и, следовательно, единственным представителем еврейского пролетариата Бунд не был; в оценке результатов этой работы никто, конечно, не положится на суждение самого Бунда; наконец, небезызвестно, что Бунд противодействовал работе других организаций среди еврейского пролетариата (достаточно назвать известный эпизод борьбы Бунда против Екатеринославского Комитета партии, осмелившегося выпустить прокламацию [2] к еврейским рабочим), — следовательно, если бы даже результаты действительно были не стоящими внимания, то в этом есть доля вины самого Бунда.

Далее. Та доля истины, которая заключается в исторической справке Бунда, нисколько еще не доказывает правильности его аргументации. Факты, которые действительно имели место и которые имел в виду Бунд, говорят не за, а против него. Эти факты состоят в том, что Бунд существовал и развивался, — в течение тех пяти лет, которые прошли со времени первого с'езда, — совершенно самостоятельно и независимо от остальных организаций партии. Вообще между всеми организациями партии фактическая связь за это время была чрезвычайно слаба, но связь Бунда с остальными частями партии не только была еще гораздо слабее, чем связь между другими организациями, но и ослабевала все более. Что Бунд сам ослаблял эту связь, — прямо доказывается историей заграничных организаций нашей партии. В 1898 году члены Бунда входили в одну общую партийную организацию за границей; к 1903 году они выделились в совершенно самостоятельную и независимую заграничную организацию. Самостоятельность и независимость Бунда не подлежит сомнению, равно как и постепенное их усиление.

Что же вытекает из этого несомненного факта? Для бундовцев отсюда вытекает необходимость преклониться пред этим фактом, рабски подчиниться ему, превратить его в принцип, в единственный принцип, дающий прочный базис для положения Бунда, узаконить этот принцип в уставе, который должен признать Бунд единственным представителем еврейского пролетариата в партии. По нашему же мнению, такой вывод есть чистейший оппортунизм, «хвостизм» худшего сорта. Из пятилетней истории разброда надо делать вывод не об узаконении разброда, а о необходимости раз навсегда покончить с ним. А неужели может еще кто-нибудь отрицать, что это был действительно разброд? Самостоятельно и независимо развивались за это время все части партии, — не следует ли уже отсюда вывести «принцип» федерации между Сибирью, Кавказом, Уралом, югом и проч.? Бундовцы сами говорят, что партия, в смысле организационного об'единения частей, фактически не существовала, — как же можно из того, что сложилось при несуществовании партии, делать вывод по вопросу о восстановлении организационного единства? Нет, господа, ваша ссылка на историю разброда, создавшую обособленность, ровно ничего не доказывает, кроме ненормальности этого обособленного состояния. Выводить организационный «принцип» из нескольких лет партийной дезорганизации значит поступать подобно тем представителям исторической школы, которые, по известному саркастическому замечанию Маркса, готовы были защищать кнут на том основании, что это кнут исторический.

Итак, ни «логический разбор» автономии, ни исторические справки решительно не могут дать ни тени «принципиального» обоснования бундовской обособленности. Зато несомненно принципиальный характер имеет третий аргумент Бунда, который состоит в апелляции к идее еврейской нации. К сожалению только, эта сионистская идея — совершенно ложная и реакционная по своей сущности. «Евреи перестали существовать как нация, немыслимая без определенной территории», — говорит один из самых выдающихся марксистских теоретиков, Карл Каутский (см. № 42 «Искры» и отдельный оттиск из него: «Кишиневская резня и еврейский вопрос», стр. 3). И недавно, рассматривая вопрос о национальностях в Австрии, тот же писатель, пытаясь дать научное определение понятию национальности, устанавливает два основных признака этого понятия: язык и территорию (Die Neue Zeit, 1903, № 2). Слово в слово то же самое пишет один французский еврей, радикал Альфред Накэ, полемизируя с антисемитами и сионистами. «Если Бернару Лязару, — говорит он про известного сиониста, — угодно считать себя гражданином особого народа, это его дело; но я заявляю, что, хотя я и родился евреем, ... я не признаю еврейской национальности... у меня нет другой национальности, кроме французской... Представляют ли из себя евреи особый народ? Хотя в очень давнем прошлом они несомненно были народом, тем не менее я отвечаю на этот вопрос категорическим нет. Понятие народа предполагает известные условия, которых в данном случае нет налицо. Народ должен иметь территорию, на которой бы он развивался, а затем, в наше по крайней мере время, покуда мировая конфедерация не расширила еще этого базиса, народ должен иметь общий язык. У евреев нет уже ни территории, ни общего языка... Бернар Лязар наверное, как и я, не знал ни слова по-еврейски, и ему нелегко было бы, если бы сионизм достиг своей цели, столковаться со своими сородичами (congénères) из других частей света». («La pétite Republique», 24 sept. 1903 г.). «Евреи немецкие и французские совсем не похожи на евреев польских и русских. Характерные черты евреев не имеют ничего такого, что носило бы на себе отпечаток (empreinte) национальности. Если бы позволительно было вместе с Дрюмоном признать евреев нацией, то это была бы искусственная нация. Современный еврей есть продукт противоестественного подбора, которому его предки подвергались в течение почти 18 столетий». Бундовцам остается разве только разобрать идею особой национальности русских евреев, языком которой является жаргон, а территорией — черта оседлости.

Совершенно несостоятельная в научном отношении * идея об особом еврейском народе реакционна по своему

* Не только национальные, но даже и расовые особенности еврейства отвергаются современным научным исследованием, которое выдвигает на первый план особенности истории еврейства. «Вытекает ли особенность еврейства из его расового характера?» — спрашивает К. Каутский и отвечает, что мы даже не знаем в точности, что такое собственно раса. «Нам нет никакой надобности прибегать к понятию расы, не дающему действительного ответа, а лишь подымающему новые вопросы. Достаточно проследить историю еврейского народа, чтобы выяснить причины его характера». И такой знаток этой истории, как Ренан, говорит: «Особые черты евреев и уклад их жизни гораздо более являются результатом социальных условий (necessités sociales), влиявших на них в течение веков, чем расовым отличием (phénomène de race)».

политическому значению. Неопровержимым практическим доказательством этого являются общеизвестные факты недавней истории и современной политической деятельности. Во всей Европе падение средневековья и развитие политической свободы шло рука об руку с политической эмансипацией евреев, переходом их от жаргона к языку того народа, среди которого они живут, и вообще несомненным прогрессом их ассимиляции с окружающим населением. Неужели мы опять должны вернуться к самобытным теориям и об'явить, что именно Россия будет исключением, хотя освободительное движение евреев гораздо глубже и гораздо шире в России благодаря пробуждению геройского самосознания среди еврейского пролетариата? Неужели можно об'яснить случайностью тот факт, что именно реакционные силы всей Европы и особенно России ополчаются *против* ассимиляции еврейства и стараются закрепить его обособленность?

Еврейский вопрос *стоит* именно так: ассимиляция или обособленность? — и идея еврейской «национальности» носит явно реакционный характер не только у последовательных сторонников ее (сионистов), но и у тех, кто пытается совместить ее с идеями социал-демократии (бундовцы). Идея еврейской национальности противоречит интересам еврейского пролетариата, создавая в нем прямо и косвенно настроение, враждебное ассимиляции, настроение «гетто». «Когда национальное собрание 1791 года[3] декретировало эмансипацию евреев, — писал Ренан[4], — оно очень мало занималось вопросом о расе... Дело XIX столетия — уничтожение всех «гетто», и я не поздравляю тех, кто стремится к их восстановлению. Еврейская раса оказала миру величайшие услуги. Будучи ассимилирована с различными нациями, гармонически слитая с различными национальными единицами, она и в будущем окажет услуги, имеющиеся за ней в прошлом». А Карл Каутский, имея в виду специально русских евреев, выражается еще энергичнее. Враждебность к инородным слоям населения может быть устранена «только тем, что инородные слои населения перестанут быть чужими, сольются с общей массой населения. *Это единственно возможное разрешение еврейского вопроса, и мы должны поддерживать все то, что способствует устранению еврейской обособленности*». И вот, этому единственно возможному решению противодействует Бунд, не устраняя, а усиливая и узаконяя еврейскую обособленность распространением идеи еврейской «нации» и проекта федерации пролетариев еврейских с нееврейскими. Это — основная ошибка «бундизма», которая должна быть и будет исправлена последовательными представителями еврейской социал-демократии. Эта ошибка доводит бундовцев до такой невиданной в среде международной социал-демократии вещи, как возбуждение недоверия еврейских пролетариев к нееврейским, заподозривание этих последних, распространение неправды про них. Вот доказательство, взятое из брошюры: «Такая нелепость (чтобы организация пролетариата целой национальности была лишена представительства в центральных органах партии) может открыто проповедываться только (это заметьте!) по отношению к еврейскому пролетариату, которому в силу особенных исторических судеб еврейского народа еще приходится бороться за равноправное положение (!!) в семье всемирного пролетариата». Мы встретили недавно такую именно выходку в одном сионистском листке, авторы которого рвут и мечут против «Искры», видя в ее борьбе с Бундом нежелание признать равноправность еврея с нееврем. И теперь бундовцы повторяют сионистские выходки! Распространяется прямая неправда, потому что мы не «только» по отношению к евреям, а и по отношению к армянам, грузинам и проч. «проповедывали» «лишение представительства» и по отношению к полякам призывали к сближению, единению, слиянию всего пролетариата, борющегося с царским самодержавием. Недаром же и громила нас П. П. С. (польская социалистическая партия)! Называть свою борьбу за сионистскую *идею* еврейской нации, за федеративный *принцип* организации партии «борьбой за равноправное положение евреев в *семье всемирного пролетариата*» — значит низводить борьбу из области идей и принципов в область заподозриваний, науськиваний, разжигания исторически сложившихся предрассудков. Это значит воочию показывать неимение действительно идейных и принципиальных оружий в своей борьбе.

* * *

Мы пришли, таким образом, к выводу, что ни логические, ни исторические, ни националистические доводы Бунда не выдерживают никакой критики. Период разброда, усилив шатания среди русских социал-демократов и обособленность отдельных организаций, сказался в том же направлении и еще даже сильнее на бундовцах. Вместо того чтобы поставить своим лозунгом борьбу с этой исторически сложившейся (и разбродом усиленной) обособленностью, они возвели ее в принцип, ухватившись для этого за софизмы насчет внутренней противоречивости автономии, за сионистскую идею еврейской нации. Только решительное и прямое признание этой ошибки и провозглашение *поворота к слиянию* может свести Бунд с того ошибочного пути, на который он встал. И мы уверены, что лучшие представители социал-демократических идей среди еврейского пролетариата рано или поздно заставят Бунд повернуть с пути обособленности на путь к слиянию.

[Н. Ленин]

ИЗ РУССКОЙ ЖИЗНИ.

(«Лукавое время»).

Начальник технического железнодорожного училища в Воронеже, г. Н. Н. Пантелеевский, произнес на торжественном акте торжественную речь. «Указав на задачи школы, на необходимость *религиозно-нравственного* воспитания юношества, на развитие в нем *чувства любви и преданности царю и отечеству и уважения к закону и государственным учреждениям*, он заметил, что эта задача в настоящее время затрудняется потому, что у всякой школы есть серьезный противник — это наше *лукавое время*» («Моск. Вед.» № 268).

Этими словами «друг юношества» — как называют г. Пантелеевского «Моск. Вед.» — замечательно верно охарактеризовал переживаемый нами исторический момент. Для защитников «порядка» это момент несомненно «лукавый». Характерная черта нашего времени — разложение старых, традиционных отношений, падение обветшалых авторитетов, сомнение и недоверие к унаследованным истинам, задорный дух критики. Положительный идеал, созидательная работа только понемногу начинают захватывать умы более развитого и чуткого меньшинства, большая же масса и народа и общества находится еще в переходной стадии разрушения отживших форм, в «лукавой» стадии скептицизма и отрицания.

«Современное неверие — говорит дальше г. Пантелеевский,—пресловутая переоценка ценностей, отрицание всех авторитетов человечества, даже высочайших, спускаясь с вершины подлинной, но несчастной, мятущейся интеллигенции, начинает проникать в глубь нашего полуинтеллигентного общества и мутной жижицей просачивается ниже, в его еще не выветрившуюся, здоровую подпочву, в народ, заражая совесть и сердца нашей хорошей подлинно-русской трудовой православной семьи». Как видите, «лукавый» дух отрицания и сомнения проник во все слои русского общества, не пощадив даже «хорошую, подлинно-русскую трудовую православную семью» из «народа». Мы должны огорчить г. Пантелеевского; он, как городской житель, и не подозревает, до какой степени этот «лукавый» дух «заразил» «совесть и сердце» народа.

Другой, такой же «друг юношества», «потомственный дворянин и бывший профессор Варшавского университета», г. Борис Станкевич, сообщает нам по этому вопросу более точные и более печальные данные. «Зараза», оказывается, широко распространилась в народе через посредство сельской школы. «Отвращение к крестьянскому труду и притязание на барство — пишет г. Станкевич в № 270 „Моск. Вед.“, — непочтительность к родителям, к духовенству, к представителям власти, к заслуженнейшим из дворян-землевладельцев; равнодушие к церкви и неуважение к закону, наклонность к сутяжничеству и подстрекательству односельчан на все недоброе(?), — вот характерные черты, отличающие окончивших сельские школы или учившихся в них молодых крестьян». Такое признание со стороны человека, состоящего «членом юрьевского училищного совета» и пишущего в «Моск. Вед.», является для нас очень веским доказательством того, что стихийный процесс разрушения старых форм крестьянского самосознания и отношений в деревне достаточно расчистил почву для внесения в деревенскую среду новых идей и нового классового самосознания. Подумайте только: ведь, если перевести слова г. Станкевича с верноподданнического языка на язык свободных людей, нарисованная им картина обозначает полное разложение основных «устоев» старой деревни, освобождение крестьянина от рабьей психологии, пробуждение в нем чувства человеческого достоинства. «Безнравственность», по терминологии гг. Станкевичей, представляет как-раз первые проблески нравственного чувства — самоуважения. Это наглядно иллюстрируется следующей параллелью из статьи «бывшего профессора»: «Молодые крестьяне, которые получили свое воспитание и образование в военной службе, несравненно нравственнее воспитанников сельских школ, не отбывших воинской повинности. Последние в нравственном отношении стоят ниже даже тех крестьян, которые совсем нигде не учились».

Ясно, что стихийный процесс разрушения старого миросозерцания крестьянина, процесс, вызванный самым ходом общественно-экономического развития, достиг уже такой напряженности, что даже та крупица света, которую дает наша жалкая сельская школа, оказывается достаточной, чтобы внести в сознание масс потребность протеста против старой лживой крепостной «нравственности».

Так злая зараза охватила все слои русского народа, от «подлинной, но мятущейся» интеллигенции до грамотных и не притупленных военной выправкой крестьян. Плоды «лукавого времени» видны на каждом шагу. Они видны и в речи орловского губерн. предводителя дворянства, доказывавшего, что независимое дворянство нужно «для борьбы с вековым врагом — темнотой непросвещения, для защиты народной от буйных наездов, от крючкотворства под'ячего, от самовольной кривды опричника» («Спб. Вед.», № 205). Они видны во всей общественной деятельности «городских интеллигентов», имеющих, по словам «Моск. Вед.», «особую наклонность к политиканству и выражению всяких неудовольствий существующим порядком». «На то они, впрочем, интеллигенты, да притом беспочвенные (в материальном и нравственном отношении*) — продолжают «Моск. Вед.» (№ 264), — от них можно ожидать и услышать что хотите в смысле всяких ученых теорий, культурных взглядов, космополитических тенденций. Но не услышите вы слов: порядок, патриотизм, дисциплина, уважение к собственности, как не услышите никаких вотировок в пользу порядка, поддержания религии, монархии, народной нравственности». Плоды «лукавого времени» особенно сильно сказались на учащейся молодежи. Жалобы на непокорность и дерзость «гимназиста» сыплются, как из рога изобилия, ото всех благонамеренных людей: казенных педагогов, полицейских чинов и т. д. и т. д. Они нашли свое выражение в циркуляре министра народного просвещения и в целом потоке статей, писем, заметок, вызванных полемикой из-за рассказа Л. Андреева[5] «В тумане». «Гимназист» мутит, он дерзит начальству, читает запрещенную литературу, основывает нелегальные библиотеки, кружки, союзы. Недавно еще (в № 48) «Искра» дала отчет о «втором с'езде Южно-Русской Группы Учащихся Средних Школ», и этот с'езд дерзновенно «клеймит последний циркуляр министра народн. просв. — тщетную попытку заглушить развитие революционного самосознания среди русской учащейся молодежи». «Гимназист» идет даже дальше: он прямо принимает участие в революционной борьбе, вступает в революционные организации, участвует в политических демонстрациях, говорит пламенные речи к толпе, с ним приходится серьезно считаться правительству, с ним приходится бороться. «8 сентября, — пишут в „Искру“ из Ростова н/Д., — в $6^1/_2$ час. вечера в балке, около городских боен, батальон Феодосийского полка предводительствуемый жандармами и усиленный

* Т. е. интеллигентный пролетариат, по обычной терминологии.

„шпиками", окружил и захватил большую толпу, почти исключительно состоявшую из учащейся молодежи средних школ» («Искра», № 49).

Однако, всего разительнее сказалось влияние «лукавого времени» на народных массах. «Наша толпа, и в массе, и в ее отдельных представителях, все более и более эмансипируется от соблюдения порядочности и порядка, тяготея к разнузданности», — жалуется знакомый нам уже «друг юношества» («Моск. Вед.», № 268). И действительно: не говоря уже о тех грандиозных массовых стачках и крестьянских движениях, которые вызываются тяжелым экономическим положением масс, обратите внимание на небывалое прежде явление — стачки «по симпатии» и политические демонстрации. Праздничная толпа, собравшаяся поглазеть на кулачных бойцов, а то и сама подраться, по первому призыву юноши-революционера бросает свое развлечение и идет под красными знаменами в город, крича «долой самодержавие!» Когда за это судят предполагаемых вожаков, толпа дерется перед дверями суда с полицией, невзирая на казаков, полицию и войска, невзирая на правительственный террор, грозящий виселицами! (См. брош. «Таганрогский процесс»)[6]. Что-то случилось, какая-то таинственная перемена произошла в душе вчерашнего покорного раба, порвалась какая-то магическая нить, связывавшая его психологию с господствующим порядком, исчез гипноз, а с ним исчезло и обаяние силы, права и правды самодержавного строя. Революционный клич «долой самодержавие!» и его непосредственно ближайшее дополнение: «бей полицию!» все более и более вытесняют вчерашние лозунги несознательной толпы: «бей жидов!» и «бей студентов!». В первые дни таганрогского процесса местный полицмейстер велел арестовать троих рабочих за то, «что означенные лица... проявили упорное желание вызвать своим поведением беспорядок в городе, с криками „бей полицию"! подстрекали толпу и даже проявляли явное сопротивление при задержании». Это «бей полицию!», эта борьба против непосредственно соприкасающейся с жизнью масс формы самодержавного гнета и насилия стала настоящим «минимальным» лозунгом пробуждающегося пролетариата. Легальная пресса за последние месяцы переполнена разными мелкими фактами, вроде сопротивления властям, подстрекательства к сопротивлению, вмешательства в действия полиции и т. п. И эти мелкие факты, при их повсеместном и частом повторении, представляются в известном отношении особенно характерными. Они показывают, как широко разлился и глубоко проник в массы дух протеста и отпора. Они показывают, как много у нас везде и повсюду горючего материала, способного при благоприятных условиях разгореться в пожар грандиозных массовых движений. Факты вроде вмешательства тихорецких рабочих в дело Золотовой[7] для нас особенно ценны, как свидетельство развития и зрелости пролетариата для общественной деятельности. Поэтому для нас имеет большое значение такой, на первый взгляд ничтожный, факт, что 13 августа в Керчи толпа пыталась ворваться в помещение второго участка и освободить арестованных за беспорядки («Южн. Кур.»), или что в г. Сочи толпа, встретив городового, сопровождавшего на кладбище гроб умершего в арестном помещении рабочего, вернула гроб и потребовала расследования дела и наказания городовых, которых она подозревала в убийстве; когда же ей было отказано, она разгромила арестное помещение и сильно помяла полицейских («Приаз. Кр.»). Характерен и такой «приказ по полиции»: «И. д. войскового наказного атамана ген.-лейт. Плеве приговорил крестьянина Алексеева за подстрекательство собравшейся около его бакалейной лавки толпы крестьян не подчиняться требованиям полиции и нанесение им оскорбления словами местному уряднику, а также крестьян Сергеева, Морозова и Попкова за произведение ими беспорядков на руднике Русско-Донецкого общества, выразившееся в том, что, получив отказ в добавлении платы за работу, они подстрекали рабочих к оставлению работ в руднике — к трем месяцам ареста при полиции». И таких «приказов» можно было бы привести сколько угодно.

Атмосфера жизнерадостной дерзновенности, внесенная в русскую жизнь «лукавым временем», отозвалась, — в противоположном смысле, конечно, и на буржуазно-благонамеренной части общества и на самом правительстве. Красный призрак витает над русской землей, держа в вечном страхе верных слуг самодержавия. Характерную иллюстрацию этого дает корреспонденция в № 236 «Спб. Ведомостей»; какой-то шутник захотел, повидимому, сделать «социологический опыт» с реакцией благонамеренной публики на красный цвет. «В конце июля, пишут „Спб. Ведомостям" из Барнаула, во всех кругах местного общества распространился слух, что какие-то рабочие будут производить в городе погром, в особенности в богатых и чиновных кварталах. И, несмотря на всю абсурдность этих слухов, они произвели в городе громадную сенсацию. Многие жители запаслись оружием и огнестрельными припасами, многие на ночь забаррикадировали окна и двери, и были даже случаи, что некоторые богатые люди забрали свои семьи и выехали на пароходе в Ново-Николаевск». Вечером этого дня была иллюминация и гулянье; однако, публики явилось очень немного и чувствовалась какая-то «пришибленность». «Полиция, усиленная чинами с. Павловского, была вся на ногах и бдительно носилась по городу, патруль был усилен и, говорят, даже были на всякий случай приготовлены солдаты!». Шутник этот наверно был социал-демократ! «Лукавое» время, «лукавые» люди! Как в древнем мире боги побежденных народов занимали должности дьяволов, «лукавых», в религии победителей, так и наши «боги», боги трудящихся масс, боги свободы, равенства и братства, кажутся нечистой силой праведникам из «Моск. Ведомостей». Пусть так, но пусть не забывают верные слуги самодержавия и православия, что, по их же вероучению, в этой «юдоли греха» суждено торжествовать «лукавому», и он восторжествует и на этот раз!

[Орловский-В. Воровский]

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ НАШЕЙ ТАКТИКИ И ОРГАНИЗАЦИИ.

(Посвящается Бунду).

Среди многочисленных средств, которыми буржуазия и буржуазная демократия стремятся затемнить растущее классовое самосознание пролетариата и смягчить резкость

классовой борьбы, национализм является одним из самых могучих орудий. Принимая самые разнообразные оттенки в зависимости от исторического момента и той социально-политической атмосферы, в которой он развивается, национализм в руках врагов рабочего класса всегда и везде имеет одну задачу: внушить рабочей массе, что «национальные» интересы выше классовых; что связь и родство различных классов одной нации теснее, чем солидарность интересов пролетариата разных национальностей; что против «общего национального врага» рабочие должны итти рука об руку с буржуазией. Однако это орудие приобретает особую силу и остроту, когда антагонизм экономических интересов осложняется вмешательством политического фактора, когда две или несколько наций стоят друг к другу в отношении победителей и побежденных. Ограничительные законы, насильственное вторжение в культурное развитие народа, преследование вероисповедания, языка и целый ряд подобных насилий касаются всех слоев нации, и хотя, конечно, рабочим массам больше всего приходится расплачиваться за «нацию», они не могут не признать, что в данном случае в борьбе действительно заинтересованы все классы. Естественно, что националистические идеи здесь находят особенно благодатную почву, и часто среди порабощенных наций социалистическая пропаганда встречает сильный отпор или принимает самые уродливые формы. А, между тем, только идея социализма может противодействовать этой взаимной вражде и недоверию рабочих масс разных народов, она одна может дать тот общий принцип, который в силах сблизить и об'единить их в борьбе за общие интересы. Так, например, на Кавказе только социалистическая агитация смогла уничтожить среди пролетариата различных — враждующих между собой — национальностей этот антагонизм и способствовать сближению так давно живущих бок-о-бок народностей.

Перед социалистами, работающими среди таких национальностей, стоит крупная задача: каким образом бороться с этими националистическими преградами, какими средствами уничтожить антагонизм между пролетариатом разных национальностей и сплотить его для борьбы за политическую свободу и за социализм?

Не берясь разрешать этот вопрос в настоящей заметке, мы постараемся осветить его, указав на тактику, которую приняли наши товарищи, работающие на Кавказе.

Еще несколько лет тому назад, когда на Кавказе и помину не было о социалистической пропаганде, пролетариат разноплеменного местного населения жил совершенно замкнутой, обособленной, бессознательно-враждебной ко всем окружающим нациям жизнью. Он отражал на себе всю ту борьбу, которую вели буржуазные элементы ради своих выгод, и плелся в хвосте буржуазных партий. Армянин ненавидел татарина как исконного своего врага, грузин — армянина как ростовщика и эксплоататора, они все ненавидели русских как представителей поработившей нации, ответственных за деяния царского правительства. Буржуазная пресса, с одной стороны, правительственные агенты, с другой, разжигали эту взаимную ненависть, потому что и той и другой стороне она приносила громадные выгоды. Не меньшую роль играли в этой национальной обособленности армянские революционные националистические организации, ставящие себе целью политическое освобождение турецких армян от ига султана. Они всеми силами старались задержать рост социалистического движения среди кавказских армян, чтобы тем не отвлечь их внимания от судеб турецких соплеменников. При таких условиях пришлось выступить кавказской социал-демократии, и она с самого начала стала на вполне верную точку зрения. Прежде всего надо было уничтожить этот национальный антагонизм, чтобы из разрозненных рабочих создать действительно единый пролетарский лагерь, в противовес буржуазному миру. Надо было не только внушить рабочим, что интересы рабочих всех национальностей солидарны, но и постоянным практическим сближением на будничной революционной работе, постепенным введением рабочих каждой национальности в круг вопросов, занимающих другие национальности, уничтожить веками создавшуюся отчужденность и тем фактически слить их в единое целое. Нужны были общие пропагандистские кружки, совместные агитационные собрания, где с каждым говорили на понятном ему языке, нужна была широкая агитационная литература на всех местных языках, наконец, что самое главное, общие организации без подразделений на национальности, чтобы создать действительное единство. Русский распространял и расклеивал армянские и грузинские прокламации, армянин рабочий вел агитацию среди татар, грузин-наборщик печатал русские листки, и они все вместе, с о о б щ а, вырабатывали план действий на демонстрациях, в стачках, на организационных собраниях! Только благодаря такой работе, во всех открытых заявлениях протеста организованный пролетариат города выступал как единое целое, по какому бы поводу ни был организован протест.

Но тут могут возразить: не поведет ли такая тактика к сужению самой агитации, не придется ли агитатору всегда стараться выбирать и затрагивать вопросы, общие всем национальностям, населяющим данную местность? Не останутся ли не использованными или недостаточно освещенными те местные явления или мероприятия правительства, которые касаются только отдельных национальностей? Да, это имело бы место, если бы наша партия и теперь придерживалась тех взглядов, какие господствовали в пресловутый период кустарничества и экономизма! Разве мы теперь в своей агитации не касаемся всех проявлений современного политического и экономического режима, а сводим всю свою пропаганду только к вопросам профессиональным или имеющим некоторое соотношение к профессиональным интересам рабочих? Разве не все течения современной общественной жизни, будет ли это антисемитизм, русский либерализм, еврейский сионизм или армянский национализм, делаем мы темой для бесед с рабочими? Разве мы говорим с ними только о восьмичасовом рабочем дне или увеличении заработной платы? Если мы все это делаем, если до этого развилась наша тактика, то каким образом могут остаться неиспользованными вообще какие-нибудь явления политической жизни, особенно же такие, которые живо затрагивают интересы населения целой местности! Мы, наоборот, должны стараться, чтобы русский рабочий так же ясно сознавал весь вред, приносимый делу об'единения пролетариата, делу политической свободы и

вообще нормальному культурному развитию страны человеконенавистнической политикой царского самодержавия, как сознает это еврей, грузин, армянин, поляк и т. д. Мы должны стремиться, чтобы рабочие евреи, грузины, армяне и другие ясно видели, в каких разнообразных, но единых в сущности формах проявляется у разных народов национализм, как он является в руках врагов пролетариата реакционной силой, мешающей классовому об'единению рабочих масс, и какими средствами социал-демократия борется с ним. Такая широкая пропаганда классовой солидарности особенно необходима там, где различные национальности тесно сплетаются друг с другом, и вести ее необходимо и обязательно среди всего пролетариата данной местности, пользуясь всеми возможными темами, независимо от того, касаются ли эти темы всех или только одной национальности. Вот почему безусловно правильна тактика кавказских организаций, издающих непременно все прокламации и листки на русском и туземных языках, независимо от того, говорится ли в них о еврейских погромах, об отобрании армянских церковных имуществ, о грузинском дворянстве и т. д. При такой постановке дела агитации ни одно из проявлений современного политического режима не останется без должного отклика. Единство агитации, единство пропаганды, единство организации естественно поведут и к единству пролетарской психологии, к отстранению отчужденности, к подчинению общеклассовым интересам интересов национальных. Такова тактика наших кавказских товарищей, и это единственно верная тактика социал-демократии среди разнообразия племен и наций Кавказа. Везде и всюду мы должны резко выступать против всякого затемнения классового сознания пролетариата, будет ли это совершаться национализмом П. П. С., «социал-революционной» декламацией буржуазно-демократических «фракций» или организационным сепаратизмом Бунда. Только организовавшись в единую, вполне самостоятельную партию, без различия национальностей, пролетариат России может стать той могучей политической силой, которая способна будет сделаться действительным авангардом всех революционных сил страны и сломить в конец самодержавие.

Кавказец [Б. Кнуньянц]

О КИЕВСКИХ СОЦИАЛИСТАХ-РЕВОЛЮЦИОНЕРАХ.

Как нельзя более характерна для направления социалистов-революционеров та позиция, которая занята киевским «комитетом» их «партии» по вопросу об июльских событиях [8]. Все отличительные черты этого направления, представляющего из себя уродливую смесь спазматического бунтарства с доктринерским экономизмом, нашли себе яркое выражение в тех немногих действиях и письменных актах, которыми киевская организация соц.-рев. заявила о своем существовании во время киевской стачки: тут и полное отсутствие критического отношения к действительности и неспособность затронуть хоть как-нибудь живой нерв окружающей жизни, тут непонимание самых простых и важных вещей и схоластическое мудрствование над пустяками с глубокомыслием, достойным хемницеровского метафизика. Судите сами.

В то время как Киевский соц.-дем. Комитет усиленно занят подготовкой всеобщей стачки, социалисты-революционеры озабочены составлением и распространением гектографированного (как и все прочие местные их издания) листка о выселении еврейских ремесленников из Киева.

Это ли не отсутствие здравого чутья и понимания интересов минуты?!

Проходит несколько дней. Стачка в полном разгаре. Соц.-дем. Комитет, представляя интересы киевских рабочих, выпускает массами листки, излагающие их требования и об'единяющие их на почве общего протеста. Организуются политические митинги. Работы такая масса, что едва хватает времени и сил на самое необходимое. Чем же заняты в это время соц.-рев.? Бросив вокруг себя пытливый взор на заварившуюся суматоху, они замечают, что полиция из сил выбивается в начавшейся травле стачечников. Работы ей прибавилось, а между тем размеры получаемого ею жалованья остались прежними. Вот удобное поприще для нашей деятельности, — решают социалисты-революционеры — и, недолго думая, выпускают листок к городовым с призывом бороться за улучшение своего положения.

Картина: пролетариат ведет отчаянную борьбу с самодержавно-полицейским строем, и в это время соц.-рев. не находят ничего лучшего, как принять на себя труд быть выразителями интересов низших чинов полиции. Это ли не уродливая крайность доктринерского экономизма?

В самый разгар событий, когда при всеобщем возбуждении без большого труда можно было вызвать новую кровопролитную стычку рабочих с войсками, соц.-рев. приглашают рабочих в воскресенье 27 июля, в пять часов вечера, на вооруженную демонстрацию, на Еврейский базар. Демонстрация эта к счастью не состоялась. Не спазматическое ли это бунтарство самого невысокого пошиба?

После этой попытки «самостоятельно вмешаться» киевские соц.-рев. выпускают листок с оценкой всего движения. Общий смысл листка таков: «рабочие на юге пережили тягостные дни», их движение потерпело «неудачу», «волна движения разбилась об острые утесы самодержавия», «рабочие не добились прочных успехов»; об'ясняется это тем, что движение было якобы экономическим; но «летние события дали народу урок». Теперь для рабочих, мол, ясно, что вся беда в том, что они не послушались соц.-рев. и не свергли предварительно самодержавия (будто бы всеобщая стачка сама по себе не есть одна из форм политической борьбы!).

Таким образом выходит, что польза движения заключается лишь в том, что рабочие на своем горьком опыте поняли его бессмысленность и бесцельность при самодержавном строе.

Но теперь, получив «урок», пережив (по вине соц.-дем., конечно) «тягостные дни», они, можно надеяться, возьмутся за ум и, «отвергнув все (читай стачки), что отвлекает рабочих от этой ближайшей цели» (свержения самодержавия), пойдут, очевидно, за соц.-рев. на террор.

Критически относясь к всеобщим стачкам, авторы листка не останавливаются, впрочем, на вопросе о средствах политической борьбы.

Таков замаскированный смысл листка. Всегда терпеливо сносящий всевозможные выходки соц.-рев. (см. ст. «Искры» «Еще о Тартюфах») [9], киевский комитет на этот раз изменил своему обыкновению. В одном из своих листков («Кто победил»), подводя итоги экономическим завоеваниям жел.-дор. рабочих, соц.-дем. Комитет попутно отметил стремление соц.-рев. умалить значение движения, к которому их организация была совершенно непричастна. В ответ на это замечание, занявшее всего пять строчек в очень большом печатном листке Комитета, соц.-рев. выпустили длиннейший и очень грубый ответ, в котором отрицается правильность замечания соц.-дем. Комитета:

1) Причастность «комитета» соц.-рев. к событиям несомненно доказывается, по их мнению, тем, что отдельные лица из их числа арестованы во время стачки, что они распространяли свои листки (о выселении евреев и к городовым?) и агитировали (среди городовых?). Кроме того «в течение всего страдного года» много-де соц.-рев. было арестовано «именно за причастность к рабочему движению». Но ведь, этак рассуждая, следует признать «причастными» к киевской стачке, пожалуй, и народовольцев, и притом в значительно большей степени!

2) Явное умаление экономических завоеваний стачки и ее значения как средства политической борьбы, проведенное в листке в замаскированной форме, — вовсе отрицается соц.-рев.; здесь, мол, произошло недоразумение, их не поняли, они только говорили о том, что в движении сказалось слабое политическое сознание масс. Стоит только прочесть их первый листок, чтобы убедиться, насколько это утверждение верно.

3) Касаясь вопроса о вооруженной демонстрации, готовящейся ими в один из тревожных дней, соц.-рев. притворяются непонимающими, о чем идет речь, и заявляют, что приглашали рабочих заодно с соц.-дем. Комитетом на Софийскую площадь. Об этом мы слышим впервые. Говоря о вооруженной демонстрации, соц.-дем. Комитет разумел ту, которая готовилась соц.-рев. в воскресенье 27-го, в пять час. веч., на Еврейском базаре. Надеемся, что они не станут отрицать этого факта.

Насколько соц.-рев. неразборчивы в выражениях, видно из того, что упоминание об этой демонстрации они назвали инсинуацией со стороны Комитета, видимо, считая позорным для своей чести неправильно, допустим, приписываемое им намерение устроить вооруженную демонстрацию.

До самого последнего времени отношение между соц.-рев. и соц.-дем. в Киеве были совершенно безразличные, что об'ясняется отсутствием точек соприкосновения между двумя этими организациями. И лишь в период активной, напряженной борьбы, всколыхнувшей весь Киев, эта рознь ярко вскрылась, обнаружив резкое противоречие между исходными точками зрения и навыками мысли обоих этих направлений.

P. S. Упомянутый в этой корреспонденции полемический листок киевских соц.-рев. напечатан в № 33 «Рев. Росс.» и снабжен соответствующим редакционным примечанием. Редакция и тут пустила в ход успешно практикуемый ею способ подтасовки предмета спора. В инкриминируемых пяти строках прокламации с.-р. комитета указывается лишь на то, что соц.-рев. имеют неправильное представление об экономических завоеваниях рабочих. Вот и в с е, что было сказано. В этом легко убедиться, так как сама «Рев. Росс.» приводит эти пять строк. Между тем и редакция «Р. Р.» и напечатанный ею листок киевский соц.-рев. приписывают киевским соц.-дем. мнение, будто бы движение было вполне сознательным, будто бы комитеты руководили движением в той степени, в какой это желательно и необходимо. Как можно было выудить из прокламации «Кто победил?» такие мысли, — совершенно непонятно.

[Правдин-Вокар]

ИЗ НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

П р о б у ж д а ю щ и е с я п о ш е х о н ц ы. Пошехонец пробуждается... Не тот грязный, неумытый и нечесаный пошехонец, которого вытащил на свет божий Щедрин, а пошехонец современный, пошехонец подстриженный и причесанный, читающий «Ниву» и толкующий время от времени об экономическом развитии России. Несмотря на более культурную внешность, по внутреннему содержанию современный пошехонец очень похож на своего предка: то же умственное убожество, то же равнодушие к общественным вопросам и, наконец, та же девственная пустыня по части вопросов политических.

Волна последних событий захлестнула пошехонца и неожиданно поставила перед ним ряд политических вопросов. Недоумевающий и растерянный стоит пошехонец перед этими огромными забастовками, перед этими многочисленными собраниями, политическими речами, революционными криками, стычками с войсками и выстрелами... Недоумевающий и растерянный, он силится понять что-нибудь и не может понять. И ряд вопросов, бессмысленных и нелепых, лезет в одурелую, отвыкшую от мыслей голову пошехонца: «Почему? Откуда народ? Почему собрание? Зачем дома не сидят? Почему шумят? На каком основании бунт? Зачем „долой самодержавие“? Как смеют дерзать? По какому поводу политическая свобода? Что случилось? Почему попрежнему не живут?».

И, бессильный сквозь сонную одурь, еще охватывающую его мозги, разобраться в разыгравшихся грозных событиях, пошехонец начинает сердиться и ругать все и всех, кто попадет под руку: и «блузников», и самодержавие, и «агитаторов», и политическую свободу... А наругавшись, он с грустью предается философским размышлениям на политические темы по образцу гоголевского судьи, который думал, будто все неприятности от того, что «это все француз гадит».

Вот образчики пошехонской политической мудрости, которые мне случайно удалось собрать во время моих скитаний по югу России.

Неуклюжий, широкий и приземистый помещик — совсем Собакевич, и аппетит такой же безграничный — задержан был событиями в Одессе.

«Вы не можете себе представить, — говорит он сиплым голосом, прожевывая бифштекс и запивая его пивом,— как они дерзки эти блузники!.. Я еду с женой и детьми на пароходе. Кругом целая толпа блузников, кричат: „Не ездите, пароход не пойдет“.. Я тотчас же потребовал десяток казаков, чтобы пробиться к пристани... Казачий офицер мне отвечает: „Мне дела нет до вашей жены“... И ведь знаете, это все прусское общество нам гадит. Прусское правительство ничего против России не имеет, но прусское общество вооружено против нас. Представьте: собраны огромные деньги, они послали сюда массу агитаторов, и те-

перь сеют смуту!.. И я не понимаю, чего смотрит наше правительство? Как не заметили до сих пор опасности? В течение 10 лет Витте вел нас к пропасти. И теперь только опомнились, теперь, когда наступили эти бунты, вина которых целиком ложится на Витте. Потому что он, он довел народ до бунтов»... Если, по мнению Собакевича, в «бунтах» виноваты не то прусские агитаторы, не то Витте, то деревенский лавочник, встреченный мной в вагоне III класса, упорно думает, что ни Витте ни пруссаки тут не при чем, а виноваты англичане, которые задумали захватить Петербург и потому вошли в сношения с евреями, которые уже неизвестно почему заинтересованы, чтобы Петербург был взят англичанами. И вот этот-то союз англичан и евреев и мутит, давая огромные деньги «социалам», которые вообще хотели бы все и всех уничтожить, дома сжечь, деньги истребить, людей поубивать...

Что касается до евреев, то еврей-комиссионер с хитрым видом уверял меня, что он все это «прекрасно понимает, но евреям надо молчать... А впрочем, на наш век все же, быть-может, и хватит», — закончил он.

А вот молодой ученый, магистрант астрономии при Московском университете, который в политических вопросах не то действительно пошехонец, не то притворяется пошехонцем. Он силится уверить, что русское дворянство не привилегированное сословие, привилегированным же сословием является в России... рабочий класс, ибо правительство всячески покровительствует рабочим, а эти неблагодарные только мешают своими бунтами мирной работе правительства.

Совсем странно смотрит на последние события студент, бывший прежде уланом. Он сожалеет, повидимому, о своем прежнем «офицерском звании» и доказывает превосходство «офицерского звания» над студенческим тем соображением, что в таких случаях, как бунты, «офицер бьет по физиономии и бывает прав», что для студента неосуществимо. Впрочем, к рабочим он относится благосклонно и не одобряет лишь их «подчинение голосу подпольной печати», которую он и сам когда-то (уж не уланом ли?) почитывал, но затем «презрел»...

В заключение приведу сентенции начальника батумского депо г. Оболенского: «Ну, хорошо! — жаловался он: — мало там получают, стачки там устраивают, — их дело; за это с ними рассчитаются. Но я-то при чем? Пообедать, как следует, нельзя! — мяса нет. Нет, это что... Вы подумайте: жена больна, за доктором с'ездить — фаэтона нет... А, что?! Прямо бы сел на лошадь, да в плети их, мерзавцев! Нечего церемониться».

Как видите, большой сумбур в головах пошехонцев, но и в этом сумбуре есть уже зачатки политической мысли. Несомненно, пошехонец пробуждается к политической мысли и скоро совсем пробудится.

Солдаты и рабочие. (Письмо из Киева). После стачки мне как-то пришлось беседовать с солдатами по поводу этих событий. Солдаты жалуются и плачутся: «И что это рабочие против нас? Нет, мы им совсем не враги. Нас заставляют так с ними обращаться». — «Ну,—говорю я,—вы не хотите, а все же стреляете в ваших братьев и сестер». «Да разве мы стреляем?!!» — говорят солдаты. — «А как же?» — удивился я. — Если вы не стреляете, то кто же во время забастовки убил стольких людей?!» — «Какая это стрельба? Подумайте, если бы мы хотели, то с одного залпа разбили бы всю толпу! Конечно, кое-кто убит и ранен. Это потому, что среди нас есть темные люди, которые целятся. Но большинство в толпу не стреляло. Разве мало места для пуль вверху? Слушайте, мы ничем не виноваты; но вы старайтесь организовать наших офицеров, все зависит от них, а мы уж на все согласны и готовы».

В другой раз мне пришлось беседовать о солдатами по поводу прокламации от Киевского Комитета «К солдатам Киевского военного округа». Прокламация была написана хорошо и трогательно и сильно взволновала солдат. Они мне рассказывали, что они все читали ее и перечитывали, некоторые даже выучивали ее наизусть. Когда весть о прокламациях дошла до офицеров, то произошло смятение. Был обыск во всей казарме и почти у каждого солдата нашли по одному листку. Начали делать дознание, как они сюда попали, но ничего не открыли. Дневальные были оштрафованы и учрежден за солдатами сильный надзор. Но, несмотря на это, солдаты просят и умоляют не забывать их и давать им почаще прокламации.

Рабочий.

Одесса. Массовые аресты за последнее время, притом без всякого повода, приводили всех в недоумение. Наконец все выяснилось. Приехал к нам новый градоначальник Нейгард с специальной целью искоренить «крамолу». Всех, арестованных во время стачки и затем выпущенных, вновь забрали. На вокзале арестовано 10 человек якобы вожаков и руководителей стачки. Вокзальные рабочие бросили работу и обещают не возобновлять ее впредь до освобождения товарищей. Из других подвигов нового одесского царька отметим его речь в думе такого приблизительного содержания: «Вы, господа,—государевы слуги, облеченные доверием государя, служите государеву делу, а потому ура!». Гласные, конечно, поддержали его.

Приезжал к нам генерал от самодержавия Богданович. Железнодорожное начальство, очевидно по повелению свыше, еще накануне приезда рыскало по мастерским, отыскивая подходящих рабочих для составления приветственной депутации». С трудом кое-как набрали 17 «благонадежных» «депутатов». Генерал встретил их приветливо: «Что вам, братцы, нужно?» — «Велено к вам явиться, ваше превосходительство». — «Т. е. как это велено?» — сконфузился генерал: — вы ошиблись, вам должно быть, предложили». — «Никак нет, ваше превосходительство, велено итти к генералу, — мы и пошли». Насилу рабочие поняли, что генералу хочется, чтобы они разыграли комедию «представительства». Покончив с этим, генерал усадил своих гостей и повел с ними беседу. Подали чай с сладкими сухарями. Генерал рассказывал о мощах Серафима Саровского, о Феодосии Черниговском и, наконец, о Касперовской иконе божией матери. Об этой «чудотворной» иконе генерал всегда рассказывает, что она излечила его от тяжкого недуга — слабоумия; но все слышавшие речи почтенного генерала уверяют, что это неверно. От «священных» разговоров генерал перешел к забастовкам: «Зачем вы, братцы, забастовки устраиваете?» Рабочие начали говорить о том безвыходном положении, в котором находится русский рабочий, о нужде и голоде. «Все это хорошо, а зачем же „долой самодержавие“ кричать?». — «Да что ж, обращались мы и к нашему начальству, писали разные прошения, все ничего не выходило. Поневоле „долой самодержавие“ закричишь», — горячо ответил один из депутатов. Генерал опешил. «Восемь лет, — добавил другой депутат, — я работал, надрывался и никакого толку не было, а как пошли забастовки, хотя и двугривенный, а все же набавили». «Ну, а прокламации читаете?» — осведомился генерал. «Как не читать — читаем!» Собеседники, повидимому, пришлись генералу не по вкусу, и он скоро отпустил их, наградив всяческими советами и своими книженками. Рассказ «депутатов» вызвал среди жел-дор. раб. целое море смеха и шуток по адресу генерала.

Один из депутатов так передавал свои впечатления: «А хорошо было у генерала, я три стакана чаю с сладкими сухарями выпил». — «Ну, а что же еще было?» — «Да все, старый хрен, про Серафимчика рассказывал». Принесенные «депутатами» книжки были торжественно разорваны в мастерской. Второй дебют странствующего агитатора имел место в казарме ополченцев. Опять те же речи о Серафимчике, о Феодосии, о божьей матери. Уставшим офицерам надоело слушать эту дребедень, и они шумными движениями стали выражать свое недовольство. Нижние чины последовали их примеру, и генерал едва успел закончить свою речь среди поднявшегося шума, стука и кашля.

На одном из последних заседаний фабрично-заводского отдела одесского технического общества предложен был на обсуждение вопрос о стачках. Долго гг. русские предприниматели робко ходили вокруг да около вопроса, топчась на месте: то верх брала боязнь перед новыми движениями среди рабочих, то сознание их неизбежности, то упрекали они правительство за попустительство, то осуждали его за грубость... Неизвестно, долго ли продолжалось бы это топтание на месте, если бы не встал директор

механического завода, англичанин Гаррис и на ломаном русском языке не преподал бы своим русским товарищам элементарного урока на тему: «о свободном договоре». Сэр Гаррис сообщил, что родина его, Англия, давно не боится стачек, а, наоборот, видит в них хорошее пособие в деле улажения конфликтов между капиталом и трудом. Тем более справедливо это для России. «Ведь у вас есть, господа, средство против понижения ваших прибылей за счет повышения заработной платы. Повысился расход на производство, и... что причитается, возьмите с потребителя». — «Верно! На наш век хватит», — решили слушатели и согласились с «просвещенным мореплавателем». В случае чего будут драть с «потребителя», и с рабочими неприятностей все же меньше. Пусть их бастуют. Решили и составили ходатайство о разрешении рабочим стачек, с ограждением от насилования уклонившихся от участия в них. Ходатайство препровождено «куда следует» и, конечно, благополучно успокоится под зеленым сукном...

О херсонском губернаторе сообщают, что этот помпадур, собирая крупную «дань» с «подведомственной» ему губернии, не брезгует и мелкими подачками и применяет классические «куроцапские» методы обирания обывателей. Берет он раков на пароходе и не платит, а когда буфетчик посылает ему счет, то на следующий день получает увольнение; ездит по три часа на извозчиках и платит за все время... двугривенный. Пытающиеся протестовать попадают в участок. Ресторатор благородного собрания послал нашему «куроцапу» корзину с отборными фруктами и счет на 11 руб. Благодаря этому он попал в опалу, а деньги ему заплатил не помпадур, а старшины собрания из собственных карманов, получив еще при этом строгий выговор.

К статистике арестованных. Нам доставлен список сидящих в мужском отделении Одесской тюрьмы, заключающий 105 человек. По возрасту они распределяются следующим образом: 16 л. — 1, 17 л. — 1, 18 л. — 11, 19 л. — 11, 20 л. — 14, 21 г. — 15, 22 л. — 3, 25 л. — 4, от 25 до 30—17, от 30 до 40—10, старше 40 л.—3 (из них один—старик 75 л., арестованный за угрозу убить Нику Милушу). Из всех сидящих 73 подвергнуты аресту в первый раз, 29—во второй раз, один в третий раз, и двое отбывающих наказание. По занятиям арестованные распределяются: столяров — 18, портных — 17, учителей — 7, булочников—4, маляров, переплетчиков, электротехников, чернорабочих, слесарей, бывших студентов и лиц с неопределенными занятиями — по трое; каменоломщиков, печников, сапожников, чайных упаковщиков, наборщиков, земледельцев, экстернов и газетных сотрудников — по двое; кожевников, обойщиков, штукатуров, колодочников, токарей, плотников, заготовщиков, механиков, литейщиков, типографских рабочих, барышников, живописцев, торговцев, телеграфистов, конторщиков, вояжеров, фотографов, комиссионеров, приказчиков, домовладельцев и музыкантов — по одному. У 53 арестованных ничего не найдено, у 40 — прокламации и литература, у 3 — оружие, у 2 — типографии, у одного — шрифт (44 фунта) и у еще одного — бумага и печать. 26 арестованных привлекаются по делу о двух типографиях; к 16 пред'явлено обвинение в распространении литературы; к 13 — в хранении; к 15 — в принадлежности к партии с.-д.; к 14 — в принадлежности к партии с.-р.; к 19 — в принадлежности к тайной партии (?); к 6 — в подготовке к стачке и устройстве забастовки; к 4 — в участии в демонстрации 1 мая; к 4 — в подстрекательстве; к 3 — в участии в манифестации, бывшей в синагоге; трое привлекаются «по делу Рабиновича»; двое — «по делу Иванова»; один—за угрозу убить Николая II; один обвиняется в участии в Орг. Ком.; в печатании прокламаций, в произнесении речей, агитации в деревне и переплетении нелегальной литературы обвиняется по одному человеку. К 53 арестованным, у которых ничего не найдено, пред'явлены следующие обвинения: участие в типографии — 18, принадлежность к тайной партии (?) — 7, принадлежность к партии с.-р. — 7, принадлежность к партии с.-д. — 5; подготовка к стачке и устройство забастовки — 6, манифестация в синагоге — 3, «по делу Рабиновича» — 3, «по делу Иванова» — 2, подготовка первомайской демонстрации — 2, распространение литературы — 1 и подстрекательство — 1. По времени ареста арестованные распределяются следующим образом: в феврале н. г. арестовано 2, в марте — 10, в апреле — 16, в мае — 14, в июне — 24, в июле — 38. Один из арестованных сидит с 27 ноября 1902 года.

Екатеринослав. (Письмо из тюрьмы). Наше письмо окажется несколько запоздавшим, но что делать, сидя за решеткой, под железным засовом и под строгим надзором тюремных церберов, не всегда имеешь возможность во-время сообщить свободным и борющимся товарищам о том, что происходит в тюрьме. А в тюрьме порой происходят весьма поучительные события... В Екатеринославской тюрьме политическим сидится сравнительно сносно. До сих пор екатеринославские заключенные подчинялись производившимся приблизительно раз в месяц обыскам, добившись однако того, что обыск производился вежливо. Нас не ощупывали, и некоторые совсем не позволяли себя обыскивать, и все обходилось мирно и тихо. 22 июля был такой обыск, причем нашли кой-какую мелочь: нелегальные стихотворения, деньги и т. п. 24 июля на «заднем строении», где сидит большинство политических, услышали, что у политических в «башнях» производятся вновь обыски и притом в страшно грубой форме: толпа надзирателей врывается в камеру, ощупывает с ног до головы заключенных, обращаясь чрезвычайно грубо. Политические заключенные «заднего строения» успели сговориться и решили воспротивиться такому грубому обыску. Администрация, повидимому, рассчитывала на сопротивление и явилась целой ордой: во главе помощник начальника, за ним несколько надзирателей, десяток конвойных солдат и несколько надзирателей из арестантских рот; шествие замкнули надзирательницы из женского отделения. Навстречу этой компании раздалось дружное пение «Варшавянки». В первой же камере свора встретила сопротивление. Обыскиваемых схватывают за руки и за ноги, тогда раздается крик: «Товарищи! над нами производится насилие!» Уголовные подхватывают: «Политических бьют». Зазвенели стекла в окнах, подымается оглушительный шум и стук. На шум является тюремное начальство, политические требуют прокурора. За прокурором посылают, но обыск продолжается. Всюду им оказывают сопротивление. В некоторых камерах происходят свалки. Особенно безобразно ведет себя тюремная свора в женских камерах. Конвойные хватают женщин за руки и за ноги, подымают на воздух, и в таком положении надзирательницы обыскивают, расстегивая платья на виду у 20 — 30 чел. Наконец, явился прокурор, распорядился продолжать обыск, а сам начал обходить камеры, уговаривая всех, что они понапрасну волнуются, что у них слишком сильное воображение, что они видят оскорбление там, где его нет и, наконец, что он взыщет с тюремной администрации. А 29 июля нам уже было об'явлено наказание: все лишены были на месяц свиданий, письменных принадлежностей и права выписки продуктов из лавочки. Кроме того, все на семь дней были посажены на хлеб и на воду и лишены прогулок. Наконец, со всех взыскивают деньги за побитые стекла, двери, рамы и скамейки. Лишение права выписки означало буквально об'явление нам почти полной голодовки. Поэтому, относясь вообще отрицательно к тюремным голодовкам, находя их мало действительным и слишком дорого стоящим средством, мы тем не менее об'явили голодовку, выставив требования: снять наказание. Голодовка продолжалась пять дней. Затем явился прокурор и об'явил, что семь дней хлеба и воды нам об'явлены «по ошибке». Остальные наши требования не были удовлетворены. Сперва было решено продолжать голодовку, но многие чересчур ослабели... Впрочем, через несколько дней наши требования «неофициально» были удовлетворены.

Вильна. 29 сентября (ст. ст.). Гомельские события[10] привели наш город в сильное волнение. Известие о них проникло к нам задолго еще до правительственного сообщения. Повсюду только и разговоров было что о погроме и вооруженном отпоре, оказанном евреями. В речах слышатся озлобленные нотки по адресу погромщиков, а часто

добираются до настоящего виновника — правительства. Когда же было опубликовано правительственное сообщение и потом речь могилевского губернатора, озлобление против правительства замечалось еще сильнее. Это сообщение, в котором «благонадежные люди обвиняют за все евреев»; эта мерзкая речь, которая обвиняет евреев за то, что они стали людьми, так ярко и выпукло рисующие нашу самодержавную клику, принесли нам много пользы. Трудно после этого не понять, кто ответчик за все кровавые жертвы погрома; нельзя ошибиться, на чьей стороне правительство. Вскоре же после этого распространился в городе слух, что и в Вильне подготовляется погром. Известен был даже день, именно день праздника «искупления» (иом кипур). Как встречено было это известие еврейским населением, рисует следующий факт. За несколько дней до праздника пришел я в одно патриархальное еврейское семейство. Старушка-хозяйка спрашивает меня, слышал ли я о том, что здесь ожидается погром. На мой утвердительный ответ она продолжает, что все вооружаются и она решила не быть исключением. Она уже послала мужа за револьвером, оставленным кем-то у нее и спрятанным в другом месте, купить патроны и приготовиться к обороне. Такое отношение являлось почти всеобщим; не страхом, а озлоблением и готовностью к борьбе с оружием в руках встречался большей частью слух об ожидаемом погроме. Настал день праздника. На улицах замечается больше обыкновенного полиции; по городу расхаживает группами еврейская молодежь; чувствуется какое-то нервное напряжение. Часов в 12 дня разнесся было слух, что на Заречье (часть города) бьют евреев; сейчас же группа евреев бросилась туда, но слух оказался ложным. Праздник прошел спокойно, и все приготовления, к счастью, оказались излишними. Гомельские события и ожидаемая бойня, а, главное, отношение правительства и его сатрапа ко всему этому еще более развили политическое сознание и оппозиционное настроение еврейских масс к современному режиму. Симпатии к революционерам возросли, и недавно выпущенная прокламация Бунда о гомельских событиях читается в самых буржуазных домах. Резким диссонансом после этого прозвучала гнусная речь, или, вернее, попытка произнести речь, нашего общественного раввина, г. Немзера, во второй день праздника «кущей» в Большой синагоге. Сему достославному мужу, повидимому, не дают спать подлости фон-Валей [11], Оболенских, Богдановичей, могилевского губернатора и остальной братии. Его мелкая душонка так и рвется быть в их компании; ему также хочется быть записанным на страницах истории, страницах гнусности и мерзости рядом с их именами. Начав с того, что он не хотел было говорить, но современное положение таково, что заставляет его указать на серьезность переживаемого нами времени и отделить агнцев от волков, он обрушился на те «злонамеренные» элементы, следствием деятельности которых являются события вроде гомельских, кишиневских и т. п. Но тут раздался такой свист и крики: «долой», «довольно», что наш «бедный пастух» принужден был замолчать и предоставить свое «стадо» «произволу судьбы», бросив при этом обвинение, что в погромах виноваты сами евреи. Еврейская масса дала понять этому царскому халую, а в лице его и правительству, что не ему учить ее пониманию совершающихся событий, не ему, подхалиму самодержавной шайки, направлять ее поступки. Довольно с нее непрошенных «учителей» Крушеванов, Суворинных, Юзефовичей и т. п. Она не потерпит в храме пропаганду мерзости и гнусности.

Курск. С половины сентября началась в тюрьме голодовка. Причиной голодовки явилось распоряжение перевести одного из заключенных на казенный паек за отказ последнего назвать жандармам свое настоящее имя. Голодающие по распоряжению начальства подвергнуты насильственному кормлению.

Из хроники судебных преследований.

ОБВИНИТЕЛЬНЫЙ АКТ

по делу о: 1) Дмитрии Иванове Жданове, 26 л., 2) Влад. Абрамове Хасберове, 21 г., 3) Николае Лаврентьеве Перадзе, 19 л., 4) Георгии Федорове Гудадзе, 19 л., 5) Иване Давыдове Сухиеве, 18 л., 6) Давиде Романове Канкалидзе, 26 л., 7) Давиде Тедозашвили, 19 л., 8) Василии Александр. Самхарадзе, 20 л., 9) Георгии Александровиче Квесадзе, 28 л., 10) Сергее Захаровиче Арутюнове, 22 л., 11) Василии Зурабове Лобадзе, 21 г., 12) Романе Гаврилове Мегрелишвили, 13) Матвее Масаблишвили, 23 л., 14) Прокофии Максимове Кикнавелидзе, 15) Леоне Григорьеве Чахваянце.

14 июля сего года, в 8 час. утра, в депо ст. Михайлово раздался тревожный гудок, и рабочие около 200 человек, прекратив работу, вышли на полотно железной дороги. К ним присоединились ремонтные рабочие, и образовавшаяся таким образом толпа направилась к расположенному вблизи ст. Михайлово керосинопроводу, где всех рабочих заставили прекратить работу. Проходя по путям, кто-то из толпы, подняв вверх револьвер, выстрелил, а толпа начала кричать ура. В это время подошел к ст. Михайлово товарный поезд из Тифлиса, и толпа, отцепив паровоз, оставила на пути вагоны с целью прекращения на главном пути движения поездов. Захватывая по пути стрелочников, толпа около паровозного сарая потушила топку паровозов и сняла с одного паровоза регулятор. Постепенно увеличиваясь, толпа подошла к конторе начальника участка пути и заставила всех служащих уйти из конторы, а также из помещения телеграфа. Во главе толпы находился ремонтный рабочий Роман Мегрелишвили. От имени толпы было заявлено требование о прекращении действия телеграфа во избежание передачи депеш с просьбой о присылке войск. Встретив по дороге помощника машиниста Ахабадзе, который отказался прекратить работу, толпа, по приказанию помощника слесаря депо Николая Перадзе, нанесла ему побои, а также Владимир Хосберов и Прокофий Кикнавелидзе нанесли удары жандармскому унтер-офицеру Баклаче, уговаривавшему толпу разойтись. Сойдя с пути железной дороги, толпа отправилась на базар ст. Михайлово, закрыла лавки и заставила следовать за собой всех торговцев. На базаре жандармский унтер-офицер Носко увидел в руках помощника слесаря Ивана Сухиева красный флаг, а у других рабочих зеленые ветки. Вернувшись на ст. Михайлово, толпа, в составе до 500 человек, остановилась на железнодорожном мосту через р. Сурамулу, около которого соединяется главный путь Закавказских жел. дор. с Боржомск. и Сурамск. путями. К толпе подошел нач. участка пути Муат и помощник его Даль, причем один из рабочих, приехавший, по мнению Даля, из Тифлиса, заявил им, что толпа требует восьмичасового труда, надбавки в 25% к заработной плате, принятия на службу уволенных из депо рабочих и увольнения мастеров из депо. Муат обещал телеграфировать начальнику дороги о требованиях рабочих, но толпа не расходилась. Переговоры вели с Муатом, кроме указанного рабочего, также слесарь депо Владимир Хосберов и Роман Мегрелишвили, который кричал, что не сойдет с пути и поездов не пропустит. В это время подошла вызванная Сурамским приставом Подгорным из Сурама местная команда, в числе 40 человек, вместе с начальником команды капитаном Дигуровым. Последний, получив, кроме извещения пристава, телеграмму тифлисского губернатора об оказании содействия администрации к полному прекращению волнения, привел свою команду на ст. Михайлово и стал на старом полотне, около соединения главного пути с Боржомским и Сурамским путями, в 100 шагах от стоявших на мосту и путях рабочих. Пристав Подгорный и капитан Дигуров подходили несколько раз к толпе и приказывали разойтись, об'ясняя, что в случае неповиновения будут стрелять. Между тем помощник слесаря Николай Перадзе, машинист Жданов и конторщик Василий Самхарадзе, согласно показанию стражников Безмина и Поповиченко, уговаривали толпу не расходиться. Жданов подавал толпе какие-то знаки и говорил, что, если выберут депутатов по предложению пристава, то их арестуют, а стражнику заявил, что он не здешний, а интеллигент, присланный наблюдать за тем, чтобы толпа не делала беспорядков, а только прекратила работу. Самхарадзе заявлял толпе, что необходимо добиться прибавки, что человек не скотина, а помощник слесаря Давид Канкалидзе, находясь в передних рядах толпы за мостом, кричал ура в ответ на предложение пристава разойтись. В это время один из толпы вынул, согласно показанию Ярошенко, револьвер из го-

ленища и сказал солдатам, что у них холостые заряды, а «у рабоч. есть револьверы». К толпе присоединились новые лица, причем последняя увеличилась до 1.000 человек. Часть толпы остановила батумский поезд, а другая часть, заметив приближающийся из Боржома пассажирский поезд, бросилась на Боржомский путь, чтобы остановить этот поезд. Помощник слесаря Иван Сухиев, потянув вместе с другими за проволоку, закрыл на Боржомском пути семафор, а машинист керосинопровода Жданов, уговаривая рабочих снять с паровоза регулятор и приглашая толпу следовать за ним, бросился к паровозу боржомского поезда. Мальчишки успели отцепить паровоз от поезда, а Жданов, вскочив на паровоз и схватившись рукой за регулятор, открыл пар. Рычаг в это время стоял в сторону Михайлово и паровоз двинулся вперед, отделившись от поезда, но машинист Янучато, схватив Жданова за грудь, остановил паровоз. Жданов заявил машинисту, что он механик-студент, и соскочил с паровоза. Стражники Поповиченко и Дружинин видели, что Жданов, вскочив на паровоз, схватил машиниста за сюртук и хотел столкнуть его с паровоза. Увидев, что толпа бросилась к боржомскому поезду, капитан Дигуров перевел свою команду на главный путь поближе к толпе, причем от боржомского полотна отделяла команду котловина. Желая разогнать остановившую поезд толпу, капитан Дигуров после предупреждения, что, в случае непропуска поезда, будет стрелять, приказал команде с криком «ура» броситься на находившуюся на Боржомской ветке толпу и разогнать ее прикладами. Находившиеся на Боржомском пути впереди толпы слесарь депо Гуладзе, помощник слесаря Тедозашвили, слесарь Квесадзе, помощник слесаря Иван Сухиев, последний с красным флагом в руках, возбуждали толпу к сопротивлению, причем Гуладзе, размахивая фуражкой, звал толпу вперед и, на предложение капитана Дигурова пропустить поезд, кричал «нельзя». Когда Дигуров и его команда спустились в котловину и стали подниматься к остановленному толпой боржомскому поезду, толпа засыпала солдат камнями и из толпы раздалось два или три револьверных выстрела, причем солдаты и Дигуров слышали свист пуль. Выстрелы из револьверов слышали также пристав Подгорный, начальник участка Муат и начальник ст. Варварино Силяев, жандармы и стрелочники, причем стражник Пилиев видел в руках некоторых из толпы револьверы, направленные в сторону солдат и стражников. На поднявшегося на полотно рядового Овгаренко набросились трое человек, схватили его за грудь и пытались отнять ружье, но другие солдаты ударами прикладов и штыками отогнали нападавших. В числе напавших на солдат, по словам жандармского унтер-офицера Павлова, был смазчик депо Георгий Квесадзе Он схватил солдата за грудь и хотел отнять у него ружье, но в это время ему были нанесены в спину четыре штыковых легких раны. Помощник слесаря депо ст. Михайлово Василий Лобадзе и рабочий депо Сергей Арутюнов, по удостоверению жандармских унтер-офицеров Павлова, Баклачи, Юрчено, Стрижкова, находились впереди толпы и бросали камнями в солдат. Впереди толпы, по удостоверению жандармов Баклачи, Стрижкова, Безмина и начальника ст. Силаева, находились также слесарь депо Владимир Хосберов, помощник слесаря Николай Парадзе, ремонтный рабочий Мегрелишвили, смазчик керосинопровода Прокофий Кикванелидзе, столяр Месаблишвили и фруктовщик Леон Чахваянц и бросали также камни в солдат. Стоявший на месте соединения Боржомского и главного путей начальник ст. Варварино Силаев заметил, что конторщик Самхарадзе бросил камни в солдат и сейчас же указал на него жандарму Мирошниченко. Кроме того, согласно показанию помощника уездного начальника Гогохия, основанному на сведениях, полученных от рабочих, бросал камни в солдат также помощник слесаря Давид Канкалидзе, возбуждая и руководя толпой. Вследствие сопротивления толпы и сыпавшихся на солдат каменьев, только часть команды успела подняться на полотно железной дороги, и капитан Дигуров приказал солдатам отступить, скомандовав «редкий огонь». Солдаты, перебегая котловину (на главный путь), а также на главном пути, произвели, судя по количеству израсходованных ими патронов, десять выстрелов в толпу. Полицейские стражники в числе трех человек присоединились к солдатам, а остальные восемь человек стояли на старом полотне в восьмидесяти шагах от толпы, слышали команду Дигурова «стражники, присоединитесь, помогайте», но не успели сойти с лошадей, как Дигуров скомандовал открыть огонь, вследствие чего стражники начали стрелять в толпу из берданок и произвели 14 выстрелов. Толпа сейчас же бросилась бежать, и Дигуров прекратил огонь. На полотне Боржомской дороги на главном пути оказались убитые и раненые. В числе раненых были указанные Григорий Квесадзе, Григорий Гуладзе, Матвей Месаблишвили, Василий Самхарадзе, Давид Канкалидзе, Леон Чахваянц и Давид Тедозашвили, причем последнего подняли на Боржомском пути в 15 сажен. от паровоза унтер-офицеры Стрижников и Мирошниченко. Протоколами судебно-медицинского освидетельствования установлено, что Григорию Квесадзе на спине причинены четыре ссадины, по его словам, ударами штыков и рана, нанесенная выстрелом из трехлинейки со входным отверстием на спине; Григорию Гудадзе нанесена трехлинейной пулей рана со входным отверстием с боку по левой подмышечной линии и выходным на животе (следует подробный перечень данных медицинских освидетельствований).

Привлеченные в качестве обвиняемых в вооруженном сопротивлении, поименованные лица виновными себя не признали.

На основании вышеизложенного вышеупомянутые лица обвиняются в том, что по предварительному между собою и другими, следствием не обнаруженными, лицами соглашению, 14 июля 1903 г., около ст. Михайлово Закавказской железной дороги, в намерении изменить существующие условия и порядок работ на Закавказской железной дороге и принудить местное начальство к уменьшению установленного законом количества рабочих часов и к увеличению заработной платы, они, находясь во главе вооруженной толпы рабочих, в количестве от 500 до 1.000 чел., и подстрекая ее к насилиям и беспорядкам, остановили тов. поезд, шедший из Тифлиса, и, отцепив паровоз, остановили состав на пути, выгоняли служащих из помещения керосинопровода, конторы начальника участка пути и железнодорожного телеграфа, остановили шедшие из Батума и Боржома поезда, закрыли семафор на Боржомском пути и, отцепив паровоз боржомского поезда, двинули его вперед, причем, не подчинившись неоднократным требованиям пытавшихся восстановить порядок сурамского полицейского пристава и командира сурамской воинской команды, противодействовали исполнению их распоряжений, направленных к восстановлению порядка, произвели выстрелы из револьверов и, пытаясь отнять ружья у нижних чинов сурамской воинской команды, бросали в них и стражников камни, которыми и причинили им ушибы и легкие раны, т. е. в преступлении, предусмотренном 263 ст. Улож. о наказ. В виду чего и согласно 200 и 1260 ст. Устава уголовн. судопроизводства, вышеупомянутые лица подлежат суду Тифлисского окружного суда.

Составлен в г. Тифлисе. 3 августа 1903 г.

Скорый суд. В легальных газетах («Новости» от 29 сент. № 269) появилось известие, что в непродолжительном времени будут преданы суду в Луганске 39 рабочих, привлекаемых к ответственности за «беспорядки» в Константиновке. Быть может, не всякому известно, что это за Констант. и какие «беспорядки» там были. Константиновка — узловая станция Екатерининской ж. д. — лежит верстах в 40 — 50 к югу от Славянска. Возле нее в девяностых годах были построены заводы: железнопрокатный, зеркальный, стеклянный, бутылочный и химический; а около них быстро выросли заводские поселки. 12 — 13 июля 1900 г. эти заводы подверглись жесточайшему разгрому («следствие» продолжалось более трех лет: очевидно, «подготовляли» свидетелей). Все эти заводы принадлежат бельгийским компаниям: инженеры, директора, мастера, служащие — бельгийцы. Рабочие — народ пришлый (из соседних губерний и более отдаленных, как, напр., Орловск., Смол. и др.), «серый»: ни о какой пропаганде в то время там и помину не было. На экономической почве загорелась национальная вражда: русские не-

навидели бельгийцев, последние платили им той же монетой. 12 июля 1900 г. на одном из константин. заводов перебранка между мастером-бельгийцем и рабочим (подростком) русским перешла в драку. На помощь подоспели русские и бельгийцы. Началась свалка. Рабочие пошли громить квартиры служащих, разгромили заводскую лавку (владелец ее — директор завода: он выплачивал рабочим заработок не деньгами, а товаром, вопреки закону: по закону окружный инженер обязан не допускать таких безобразных правонарушений; на практике же оказывается, что его дело — брать взятки с заводоуправлений и всячески ограждать их интересы от «посягательств» рабочих). Пострадал и самый завод. Отсюда перешли на ближайший соседний, разгромили и его. Толпа все увеличивалась. 13 июля оказались разгромленными все констант. заводы. На соседних рудниках и заводах затрепетали: вспоминалось, как в 1892 г. разгромили Юзовку [12] (нелюбимый инженер был при этом брошен в доменную печь). Появились слухи о том, что на помощь константиновским рабочим придут шахтеры соседних рудников. Из Луганска и Волынцева были двинуты казаки; началось «усмирение». «В качестве зачинщиков» выхваченные лица долго сидели по мерзким уездным тюрьмам, и только осенью 1902 г. большинство из них выпущено на поруки. Что суд будет не только скорым, но и милостивым, за это нам ручается таганрогский приговор!

Военно-революционная организация распространила в августе следующую печатную прокламацию «К увольняемым в запас»:

«Солдаты! Кончилась ваша служба. Кончились ученья, караулы, зуботычины, аресты, кончилось все, что стесняло вашу свободу, что делало из казармы тюрьму, и вы опять на воле... А воля ли там, за стенами казармы, свободнее ли будете, снявши солдатский мундир? К сожалению, нет, и на воле вы не станете вольными; избавившись от казарменного гнета, вы наденете на себя цепи нужды. Опять вернетесь вы к вашей убогой полосе, опять с утра до вечера будете ковырять ее вашей сохой... Мало кого прокормит она, не говоря уже о достатке. Нужда придавит вас и погонит в город, на заработки, и опять вы попадете в душные мастерские, на фабрики, заводы, в шахты, в артель, к помещику, где, работая за грошовую плату с утра до вечера, вы будете создавать лишь богатство вашему хозяину и новые цепи для себя, оставаясь все теми же бедняками. А случилась беда — заболели ли вы, наступила ли преждевременная старость, иль в безработицу — и выбросят вас на улицу, как негодную вещь, на голодную смерть... Так пойдет ваша тусклая, серая, полуголодная жизнь... Разве это воля? Разве может быть воля там, где над трудящимся людом всякий городовой — начальник и может чинить над ним суд и расправу, где имеющему мозолистые руки нельзя найти правду, где всякая попытка потребовать ее топится в крови, как это случалось, особенно за последний год, во всех местах России. Такова ваша жизнь и такова наша родина, таковы в ней порядки и наша воля! Сто тридцать миллионов трудового люда в кабале! Сто тридцать миллионов работают, не разгибая спины, чтобы небольшая кучка богачей жила в роскоши, чтобы на деньги народа царь мог содержать громадную армию и свору начальников и при их участии держать народ в подчинении! Но так не должно быть. Трудящийся должен иметь человеческие права, и, если их не дают, он должен взять их силой, миллионы людей не должны быть рабами. Понял это городской рабочий, начинают понимать и крестьяне. Уже закипела борьба, уже слышится негодующий голос народа, льется кровь, и тюрьмы наполняются борющимися за правду — это бьется авангард великого рабочего братства — социал-демократическая рабочая партия. Нас, солдат, заставили принять присягу и обязали защищать теперешний порядок. Четыре года поддерживали мы его нашими штыками, и не раз, если не мы, то наши товарищи кровью рабочих и крестьян заливали улицы городов и деревень, помогали засекать до смерти, присутствовали на разного рода экзекуциях и бесчинствах полиции, производимых по приказу и с ведома царя. Мы сами готовили цепи народу и себе и в них сами же заковывали себя! А завтра вы вернетесь в вашу деревню или к вашим товарищам, станете в их ряды, в число тех, кого царь и богачи называют „внутренними врагами", „бунтовщиками" и вместе с ними должны будете бороться за них и ваши интересы, и завтра же, быть-может, оставшийся в полку ваш товарищ или брат пошлет пулю в вас же и вашей кровью обагрит поля вашей родины и улицы вашего города! Солдаты! Оставляя полк, идя на „волю", оставьте завет вашим товарищам по службе — не поднимать братоубийственную руку на тех, кто находится за стенами казармы и борется за правду. В некоторых местах отец, отправляя на службу сына, берет с него клятву, что в народ он стрелять не будет. Отправляя на службу брата или товарища, поступайте и вы так же и раз'ясните ему, что он и там должен быть сыном народа; что лучше самому умереть, чем вернуться назад братоубийцей, что присягает он не только царю, но и народу; что идет он не для исполнения обязанностей палача и что не стрелять в народ — это его право и священная обязанность. Счастливого пути, товарищи! Желаем вам, вернувшись на родину, скорее примкнуть к рабочей партии и под ее красным знаменем, как подобает солдату, быть первому в передних рядах. Пусть не стращат вас ни кары, ни смерть; в борьбе за правду, за ваше кровное дело можно пожертвовать своей свободой и жизнью. Дружными усилиями рабочих будут свергнуты гнет и насилие и завоевано счастье и воля! Спешите же к ним, скорей на поддержку борцам! Счастливого пути, товарищи! Прочесть во всех ротах, эскадронах и батареях».

Пермь. Его превосходительство г. Наумов. Мы уже сообщали, что к нам прислан новый помпадур г. Наумов. Две «программные» речи создали ему литературное имя («Моск. Ведом.» возвели молодого оратора чуть ли не в гении, «Новое Время» робко заметило, что оратор забыл существующие законы). Отметим кстати, что председатель губернской земской управы г. Ковалевский, сохранивший до глубокой старости веру в «мирную» работу, сам предложил помпадуру представить ему служащих губ. земства. Его превосходительство милостиво, конечно, принял предложение и зычным голосом прочел растерявшимся земцам нотацию об обязанностях каждого верноподданного по части добровольного сыска и доноса. Земцы должны обладать душой жандармов, тогда только они будут находить защиту у его превосходительства! От «слова» его превосходительство быстро перешел к «делу». Здесь существует несколько лет Смышляевское библ. общество с двумя библиотеками-читальнями — в городе и Мотовилинском заводе. Гг. Мотовилинские инженеры (Назаров и К°) не могут равнодушно смотреть на библиотечную вывеску (библиотека около завода) и вкупе с местной жандармерией не раз делали попытку закрыть библиотеку, но попытки имели лишь частичный успех — администрация удаляла библиотекарей, членов совета. По прибытии г. Наумова дело пошло быстрее. Совет Смышляевского общества уже получил уведомление, что его превосходительство перевел обе библиотеки в разряд народных бесплатных (этою мерою свыше 70% книг из'яты из обращения).

Оказано благосклонное внимание и прессе. По представлению его превосходительства газета «Урал» (изд. в Екатеринбурге) закрыта на четыре месяца. Обыватели называют «Урал» помойной ямой, и вдруг ассенизатор Наумов закрыл яму! Недоумение тогда только раз'яснилось, когда узнали, что г. Наумову была показана корреспонденция прошлого года о «бешеных собаках». Корреспонденция эта, помещенная «Уралом» по неведению, наделала в свое время много шуму, так как в ней весьма прозрачно был изображен февральский погром. И вот этой-то кровавой обиды жандармы никак не могут снести. Другая газета, «Пермский Край», из газеты превращается, благодаря цензуре, в справочный листок.

По своем прибытии в Пермь его превосходительство, с чемоданом душеспасительных брошюр ген. Богдановича, сделал артистическое турнэ по губернии, турнэ, в котором сердечное «ты» побило рекорд над холодным «вы». Затруд-

няемся сказать, откуда это исскуство обращения с подчиненными, — позаимствовано ли оно его превосходительством из конюшни (он страшный любитель лошадей), или же из придворных сфер у высокопоставленных особ. Очевидно, что и гг. исправники и земские начальники также не разобрались в этом вопросе, так как многие из них остались недовольны таким обращением. Его превосходительство хотя и «благожелательно строг» (так он себя отрекомендовал в речи к чиновникам), но все-таки строг. Так, например, в Кунгуре он исправника пожаловал титулом «идиота», «осла» и в 24 часа отставил его от службы за то, что тот во-время не подал лодки для катания. Его превосходительство к тому же любознателен. Так, например, шадринского исправника он спросил «Сколько жителей?» — «Где, ваше превосходительство, в уезде или городе?» — «Дурак, болван, ты должен знать, о чем я спрашиваю»...

Его превосходительство обладает и многими другими качествами хорошего современного администратора. Например, в городе Шадринске приказал он снять вывеску с отделения Красного Креста. По прибытии в свою резиденцию, он написал именное письмо к Плеве, в котором, сославшись на свою работу в Красном Кресте в Сибири, он ходатайствует о закрытии отделения, так как теперь во главе отделения стоит жена врача — женщина, «неразвитая в умственном отношении» (sic); по закрытии же отделения, он скоро его опять откроет. Суть в том, что шадринское отделение функционирует хорошо, но попасть кому-либо из местной администрации на выборные места до сих пор не удавалось. Но этого мало. Губернского страхового агента, Никитина, принимавшего участие в Кресте, Наумов приказал уволить со службы губернского земства, так как Никитин, хотя и служит несколько лет, но якобы до сих пор не был утвержден.

Чтобы рельефнее оттенить г. Наумова, прибавим еще, что г. исправник, по выходе в отставку, подал жалобу на его превосходительство; губернская управа Никитина не уволила; отделение Красного Креста, с своей стороны, начинает отписываться и т. д. Из этого краткого сообщения можно усмотреть, что наш помпадур обладает всеми данными, чтобы к «царскому посланнику» (как он себя отрекомендовал в упомянутой выше речи) относились с должным уважением. «Наш дурак», «наш нахал» и др. не менее лестные эпитеты прочно установились за ним в обывательских кругах, — с чем и поздравляем г. фон-Плеве.

Иркутск. Слуги самодержавия отличаются... 21 августа на ж.-д. вокзале проезжающий офицер Кривенко встретил в вагоне еврея Микеля. Офицер был пьян. Сей «благородный» слуга царя и «отечества», увидав еврея, остановил его и обругал его «жидовской мордой»... На это простой еврей спокойно и с достоинством ответил ему «правдой меня не испугаешь»... и хотел пройти. Но пьяный офицер не отступал от него. «Ты что сюда пришел, гешефты обделывать?.. На тебе 10 коп., принеси спичек...» Еврей ответил ему: «Я тебе сам могу дать 20 коп., только отстань от меня!» Тогда взбесившийся царский слуга размахнулся и ударил его по лицу. «За что ты, варвар, бьешь меня!» — воскликнул еврей и заслонился рукой от ударов. Но варвар уже вошел во гнев и, выхватив из кобуры револьвер, выстрелил в упор в него. Микель упал, опасно раненый пулей в легкое. Железнодорожными жандармами был составлен протокол. Варвар Кривенко спокойно проследовал далее, а Микель привезен был в больницу, где до сей поры находится в очень опасном положении.

Так как все это происходило на ж.-д. территории, то следствие по этому делу находится в руках ж.-д. жанд. ротмистра Петлина. Каждый жандарм, конечно, рад порадеть родному человеку!.. И Петлин — вопреки всякой законности — под разными предлогами оттягивал допрос Микеля... Свидетельские же показания, отобранные от жандармских вахмистров и т. п. «свидетелей» и опубликованные в местной газете, поражают своей преднамеренной лживостью. Только тогда, когда кое-кто из местной адвокатуры и общества послали телеграмму министру юстиции, только тогда ротмистр Петлин «поторопился» снять допрос с раненого Микеля. Показания потерпевшего, рисующие картину, подобную вышеприведенной нами, конечно, не могли быть опубликованы в местной печати.

Несколько времени спустя ротмистр Петлин, выпив изрядно в ресторане «Метрополь», во всеуслышание изволил хвастаться: «Являлись было ко мне свидетели жиды, да я их выкинул вон!» Действительно, в списке «свидетелей» по этому делу нет ни одного еврея, хотя евреев, свидетелей этого дела, не мало.

Так отличаются слуги самодержавия!..

Царские слуги перед царским судом. В мае текущего года в Иркутске разбиралось два дела, тесно связанных между собой. Оба дела возникли следующим образом: на Кругобайкальской железной дороге служил жандарм Лебедев, отличавшийся чрезвычайной грубостью и жестокостью и нередко избивавший рабочих плетью без всякой видимой причины, а так, ради собственного удовольствия. 17 августа Лебедев явился в один из рабочих бараков и, желая поразвлечься, начал хлестать находившихся там рабочих нагайкой. Выведенные из себя, рабочие схватили Лебедева и задушили петлей. В убийстве были замешаны пять рабочих: Пеньков, Никитин, Ядрышников, Мазейнд и Кунаков, которые и были арестованы. Ведение следствия было поручено жандармскому ротмистру Лемени Македон, который производил допрос вместе с двумя жандармами Шостаком и Гореловым. Арестованные сидели в сырых, вонючих сараях, связанные веревками так туго, что у них распухли руки. Допрос же их заключался в том, что жандармы Шостак и Горелов уводили обвиняемых в лес, якобы для розыска вещей убитого, и там, связанных, подвергали самому зверскому избиению, кулаками, ногами и нагайками, затыкая избиваемым рот травой. Одному из допрашиваемых надели на шею петлю и держали за веревку, так что едва не задушили его. По дороге в Иркутск, когда обвиняемых, скованных и со связанными руками, вели на суд, зверства над ними совершались в течение всего пути. Били их жандармы различных участков.

И вот эти-то зверства обнаружились — и настолько, что запрятать их было невозможно, и жандармы Шостак и Горелов были преданы военно-окружному суду, по обвинению в истязании при исполнении служебных обязанностей. Суд над жандармами был назначен нарочно раньше, чем суд над рабочими, которые были главными свидетелями против жандармов и, конечно, поопасались бы давать против них показания. Прокурор Быстрицкий, обязанный «обвинять», говорил о том, что «в корпус жандармов поступают лучшие люди из армии, а подсудимые — лучшие из лучших». В заключение прокурор решил, что деяния подсудимых «не истязание, а просто допрос с пристрастием».

Свидетелей со стороны обвинения не оказалось, за исключением тех пятерых рабочих, которые обвинялись в убийстве Лебедева. Со стороны же подсудимых и защиты свидетелей оказалось очень много. Впоследствии обнаружено было, что одного мальчугана, кое-что знавшего и видевшего, жандармы подкупили обещанием новых сапог.

На суде были прочитаны подробные служебные характеристики Шостака и Горелова. Особенно интересна характеристика Шостока. Он аттестуется как способный и усердный шпион. Жизнь простого крестьянина не удовлетворяла его, его тянуло выше, к небу, — и вот он вступает в монастырь послушником. Здесь он был близок уже к престолу царя небесного. Но, по окончании солдатской службы, ему захотелось стать поближе к престолу царя земного, и он вступает в царство небесное русского самодержавия, в жандармерию. Тут ищущий истины дух его находит успокоение. Силы и способности, таящиеся в его шпионской груди, развертываются, при полной свободе сибирской глуши, во всей наготе и бесцеремонности.

Речь защитника — некоего капитана Дедлова — отличалась наглостью и высокопарностью. «Полиция на скамье подсудимых — это праздник для общества», — говорил г. защитник. Такой взгляд на полицию, по мнению г. Дедлова, не более как общественный предрассудок. «Но волны общественных предрассудков разобьются о стены военного суда, который реабилитирует этих честных людей». «Ком

грязи, — закончил г. Дедлов, — слетел с высоты пристрастия свидетелей, докатился до вашего судейского стола, забрызгав как подсудимых, так и некоторых свидетелей, и растаял».

Вся эта комедия суда, в которой роли окончательно перепутались и совершенно невозможно было понять, где прокурор и где защитник, закончилась так, как это можно было предвидеть заранее, самым небольшим наказанием обоих жандармов, Шостока и Горелова, которые были приговорены к месячному аресту. «Не по чину берешь», — кричал когда-то городничий Сквозник-Дмухановский на квартального надзирателя. Жандармы Шостак и Горелов «не почину» били, но, так как они жандармы, то их судили не за то, что они били, а за то, что они били «не по чину». И в самом деле, суд усмотрел в их зверстве только... превышение власти.

Томск. На-днях наш город посетил Плеве. Зачем предпринял он столь далекое путешествие — покрыто мраком неизвестности. Говорят, что для решения вопроса о втором наместничестве в Сибири, говорят также, что для пополнения своих финансов «министерскими» под'емными и суточными. Под усиленной охраной в'ехал он в город ночью с 12 на 13 сентября, под усиленной охраной пробыл он безвыходно и безвыездно два дня в губернаторском доме, под такой же охраной направился он в обратный путь ночью, 14 сентября. Был он встречен хлебом-солью от городского управления, обширной прокламацией к обществу от местного Соц.-Дем. Комитета. Готовился обед, да «не выгорело». Для решения «обеденного» вопроса секретно разосланы были повестки всем гласным, но из 53 человек явились лишь 8 (5 членов управы, 1 член ревизионн. комисс. и двое гласных), да из этих восьми человек за обед высказались лишь пятеро. По поручению заместителя городского головы, письмоводитель городского управления отправился по квартирам гласных с подписным листом на обед Плеве. Участвовать согласились лишь четверо, несколько человек подписали малую толику, но с оговоркой, что присутствовать не будут, остальные наотрез отказались. Приличия ради, обед был предложен, но, узнав об истинном положении дел, Плеве счел за лучшее отказаться. Всю злобу свою выместил он перед от'ездом на заместителе городского головы, придравшись к плохому состоянию томских улиц. Единственное лицо, вполне удовлетворившее министра, был местный полицмейстер Аршаулов, известный шпион, взяточник и вор. Ему на прощанье жал руку Плеве. Рыбак рыбака видит издалека.

Прокламации, широко распространенные в количестве 3.000 экземпляров, произвели большое впечатление на обывателей. Несколько штук, доставленные Плеве, привели его в неописуемую ярость.

С 1 сентября началась здесь стачка на мебельно-столярной фабрике Лопухова. Забастовали все рабочие, в числе 80 человек, выставив ряд требований, среди которых видное место занимают: восьмичасовой рабочий день, отмена сдельной платы, улучшение санитарных условий труда. Требования эти выработаны были самими рабочими, изданы во многих экземплярах на ремингтоне и распространены на фабрике. Стачка организована была без воздействия комитета. Стачечников поддержали рабочие фабрики Тренцова, в числе 50 человек, но уже на третий день почти все они приступили к работам. Стачечники Лопухова держатся стойко, работы на фабрике идут лишь частью, благодаря вновь нанятым рабочим, из забастовавших вернулись лишь немногие. С самого начала стачки арестовано 18 человек, из них 9 сидят по сие время. По поводу стачки комитетом выпущена прокламация в количестве 2.000 экз. 24 сентября закрыта местная духовная семинария. Дело разгорелось из-за одного поднадзорного семинариста-пансионера, которого администрация семинарская хотела выпроводить немедленно после об'явления приговора об его исключении. Просьба, поддержанная всеми семинаристами, позволить уволенному провести ночь в пансионе удовлетворена не была. Просьба перешла в требование, и дело кончилось открытым бунтом. Выбиты были стекла, перерезаны электрические провода, освистан ректор и совет. Побит, говорят, инспектор. Несколько семинаристов арестовано. Многих выпроваживают из города.

Чита. В ночь на 14 августа распространена была в большом количестве прокламация Сибирского Соц.-Дем. Союза [13] «К войскам» по поводу передвижения войск в Манчжурию. Прокламация была распространена по всем частям войск очень удачно. Распространялась она в Воронежском, Моршанском и Зарайском полках самими солдатами и потому была прочитана почти всеми. Распространялась кроме того в местной команде, Читинском резервном батальоне, Сибирской бригаде, среди казаков Забайкальского казачьего войска. Вместе с этой прокламацией распространялась «Солдатская памятка» и «Письмо к фельдфебелю» Л. Н. Толстого.

Военное начальство переполошилось. В местной команде в помещении фельдшеров произведен был обыск: ничего не обнаружено. Везде расставлены пикеты и вокруг военного лагеря* раз'езжают военные патрули. Обыскали каких-то купеческих сынков, у которых в карманах искали прокламаций. Начальство бесится от бессилья раскрыть источники крамолы. В Чите открывается губернское жандармское управление и при нем сыскное отделение под управлением одного из представителей «святорусского легиона» — фон Шульца.

ИЗ ДЕРЕВНИ.

Стачка сельских рабочих в селе Кривое, Сквирского уезда, Киевской губ. «Ранняя весна, дожди и жары текущего года послужили причиною ранних жнив, так что озимую рожь у нас начали жать 23 июня, озимую пшеницу и ранний овес 28 июня, поздний овес начали убирать 5 июля. В силу лихорадочной уборки хлеба цена на рабочие руки поднялась довольно высоко. Хозяева платили косарю в день на хозяйских харчах и водке 1 р. 50 коп., иногда 2 руб., жница получала 50 коп. при тех же условиях продовольствия. Многие резонировали, что теперь и в „Таврию ходыть не треба“, убедившись в продуктивности местного заработка. Даже многие из состоятельных крестьян, соблазнившись столь высокими ценами, спешили покончить со своими работами и заработать лишний рубль. Однако такие обстоятельства недолго просуществовали. Лишь только хлеб был убран, свезен в скирды и нужно было приступить к молотьбе, как хозяева, обеспечив свой урожай от высыпания на корне, сразу же уменьшили заработную плату более чем вдвое. Крестьяне остались очень недовольны: „пока мы нужны были, — говорили они, — нам платили как следует, а теперь нами пренебрегают“ — и решили принять меры.

«Дошедшие в наше село слухи о стачках рабочих в Баку, Одессе и Киеве еще более заставили крестьян почувствовать возможность добиться своей цели. И вот они пред'явили к хозяевам требование в виде повышения платы до 1 рубля в день. Стачка в селе Кривое оказалась всеобщей. Помещики призвали крестьян из соседнего села Соловьевки, но крестьяне села Кривое, вооружившись дубинами и кольями, силой не допускали соседей к делу, угрожая немедленно убить первого, принявшегося за работу. Никто из пришедших не хотел рисковать своей жизнью, и все ушли. Местная полиция ничем не могла противодействовать стечечникам, и до настоящего времени молотилки у хозяев стоят в бездействии... И хозяева не прибавляют цену и крестьяне не идут на работу.

«Когда и как кончится стачка — неизвестно. По крайней мере можно сказать о крестьянах, что, заработав некоторую сумму за время жнив, они могут продержаться долгое время. Стачка среди наших крестьян — явление исключительное, над которым следует задуматься».

Обращаем внимание товарищей на это сообщение, которое мы заимствовали из одного специального издания. Гг. помещики недаром начинают «задумываться» над воз-

---

* В Забайкалье в настоящее время находится масса войска, прибывшего из Европейской России и отправляющегося в Манчжурию.

никновением рабочего движения в деревне. Приложим же все усилия, чтобы стачка в деревне перестала быть «явлением исключительным». Мы видим фактическое подтверждение того, что городское рабочее движение перебрасывается в деревню и такими путями, которые нам остаются неизвестными. Указания нашей социал-демократической литературы (см., например, «К деревенской бедноте», стр. 79) на возможность деревенских стачек оправдываются жизнью. Пусть же скорее начнут распространяться и в селах социал-демократические стачечные листки и политические прокламации!

В Гжатском уезде Смоленск. губ. Недовольство в последние два года до того обострилось, что готово перейти в массовое движение. Экономические условия выгоняют почти все мужское население на зимние заработки в Питер и Москву. Возвращается оно оттуда уже с новыми понятиями и не хочет мириться с патриархальной опекой помещиков, недоучек — земских начальников, а с ближайшим начальством — сотскими и урядниками — нередко вступает в открытую борьбу. В некоторых местах эти «охранители» нашли для себя новый источник доходов. В летнюю пору, когда ночные сторожа, утомленные дневными работами, обычно мирно засыпают, урядники и сотские обходят деревни с поверкой. Нерадивые сторожа откупаются от высидки в арестном доме 50 коп. в пользу сотского и рублем или больше в пользу урядника. Такое «полюдье» совершается «властями» несколько раз в лето и не всегда обходится так мирно. Один сотский в Клушинской волости своей жадностью вывел из терпения своих подданных: они восстали на него и поколотили. В другом месте, близ деревни Скугорево (имение министра юстиции), урядник Виноградов, утомленный скаканием за экипажем его превосходительства, часто брал эту дань с крестьян угощением. Деревня, где не оказывалось ночного сторожа, сейчас же поднималась на ноги: для гостя готовилась яичница, жарились цыплята, появлялась водка. Близость к передней высшего начальства вместе с частыми штрафами в виде водки внушили Виноградову мысль о неприкосновенности урядничьей персоны, и, когда один из плотников непочтительно отозвался об этой персоне, урядник с ружьем пошел наказывать виновника. Пришлось силой отнимать ружье. Несмотря на такую бдительность начальства или — лучше — благодаря такой бдительности, в уезде конокрадство разоряет крестьян: в одной волости за один месяц увели 18 лошадей. Исправник Мильковский слишком занят. Он всецело поглощен борьбой с земством из-за прибавочных 500 рублей на раз'езды. Так как ему этих денег не дают, то он хочет наездить на счет земства на извозчиках как можно больше, а потому скачет из одного конца уезда в другой без всякого толка, с единственной целью больше проехать. Он доволен, когда извозчик представляет в управу счет рублей на 200—220, а относительно конокрадства утешает, что с введением сельских стражников будет лучше (т. е., должно-быть, вместо 18 лошадей будет пропадать 30). Такому начальству поручается следить и за политической благонадежностью. В волостных правлениях с весны нынешнего года стали вскрывать письма, адресованные на имя крестьян. Делается это очень просто: разорвут конверт, прочтут, а потом и отдадут не запечатавши. Точь-в-точь как гоголевский почтмейстер Шпекин. Один сотский заявил, что им приказано из города искать по деревням «обожурки» (брошюрки) «Земля и Воля». С расспросами и розысками обращаются обыкновенно к административно высланным. Высланных же рабочих, как слышно, насчитывается в уезде до 300. Положение их незавидное. В городах они привыкли к другой работе — на заводах некоторые зарабатывали до 50 и более рублей в месяц, а в деревне их работа не требуется (слесаря, машинисты), и они сидят с семьями без дела и без хлеба, а тут еще начальство постоянно тревожит и раздражает их. В каждой волости вывешены списки таких лиц, чтобы им не выдавали паспортов.

Среди помещиков-эксплоататоров первое место по праву принадлежит предводителю дворянства Вл. Булгакову. Его земли кольцом оцепили крестьянские наделы, и он с их помощью пользуется даровым трудом: ему платят и деньгами и работой. Недовольство страшное, но пока еще не знают, как его выразить. Повсюду жива мысль о скором «переделе земли». Чтобы убедить других в достоверности ее, крестьяне часто ссылаются на авторитет какого-нибудь самого мирного интеллигента или же на какого-нибудь заезжего человека.

На страже православия в Гжатском уезде стоит Николай Клитин, гжатский священник, которому нельзя отказать в положительном таланте по части сыска. Состоя на должности миссионера, он нюхом чует, где раскольники завели часовню или молельню, тотчас же отправляется туда, является запросто к мужичку и просит показать какую-нибудь редкую древнюю икону или раскольничий складень, а затем, разузнавши и разнюхавши все, что есть, через несколько дней приезжает уже с полицией. Впрочем, в Воронцовской волости был случай, когда он без полиции скрал одну очень редкую раскольничью икону. Этому ревнителю православия всюду видятся враги церкви. По городу небезопасно ходить в длинных чуйках: сейчас выскочит поп Николай и привлечет к ответственности за ношение «неприсвоенной» одежды (недавно был такой случай). Особенно тщательно он отыскивает штунду. Штунда прямо ему грезится. Достаточно какому-нибудь крестьянину подать жалобу архиерею на своего попа за поборы, чтобы попасть в число неблагонадежных. Николай Клитин является к таким вольнодумцам со своей душеспасительной беседой и доводит их залезанием в душу до белого каления. В раздражении те начинают говорить ему дерзости, не встают при его приходе; тогда он грозит вызвать их в полицию: «Там вы у меня не так заговорите, там, небось, присмиреете!» Для собеседования с раскольниками он сгоняет через полицию народ и под охраною ее пустословит по нескольку часов. В Липетской волости он до того надоел крестьянам, так много отнял у них рабочих дней, что ему не раз говорили: «Да когда же ты перестанешь к нам ездить?» В учителях, которые читают нецерковные книги, он видит тоже врагов православия и натравляет на них уездного наблюдателя Зезулинского. Тот является с ревизией в школу, учителя отсылает в класс, а сам, в его отсутствии, роется в книгах, в письмах, отыскивает дневник. Поймать неблагонадежных — мечта этих деятелей...

Село Иванцево, Лукояновского у. Нижегор. губ. В 20-х числах сентября здесь были арестованы два крестьянина, у которых при обыске найдены нелегальные брошюры; арестованных продержали несколько дней в Лукояновской тюрьме, допросили и выпустили. Летом текущего года, особенно перед проездом царя в Саров, в Иванцеве несколько раз были разбрасываемы по ночам нелегальные издания (брошюры и прокламации). Это до того встревожило администрацию, что она совершенно устранила иванцевских крестьян от участия в «охране» железнодорожного пути во время саровских «торжеств»: из иванцевских крестьян в «охрану» не попал никто, несмотря на то, что некоторые из них, желая увидеть «батюшку-царя», усиленно добивались этого. Следует заметить, что с. Иванцево находится от железн. дор. на расстоянии лишь пяти-шести верст. Характерно, что в то же время в «охране» участвовали жители прочих селений Лукояновского уезда, а также тысячи крестьян, прибывших из Балахнинского, Горбатовского, Макарьевского и др. уездов. (Всего в «охрану» было вызвано до 40 тыс. крестьян.)

ХРОНИКА РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ
и
ПИСЬМА С ФАБРИК И ЗАВОДОВ

Орехово-Богородская социал-демократическая рабочая организация возникла осенью 1901 г., признав руководящим для себя органом «Искру», о чем в октябре месяце и было сообщено в одном из номеров ее.

Последовавшие затем с 25 декабря 1901 года по май месяц 1902 г. крупные аресты, с жертвами до 800 человек,

разгромили всю боевую организацию. В результате пострадало всего лишь 20 человек, сосланных в Архангельскую и Вологодскую губернии; остальные были принуждены удалиться на родину, некоторые же приняты вновь на фабрику. Все старые связи с центральным органом социал-демократической партии порваны. Но, видно, протеста, вытекающего с естественной необходимостью из окружающей обстановки, нельзя подавить ничем. Образуются новые кадры борцов за свободу. Их пополняет всякий, кто не может примириться с гнетом несправедливости. (От ред. Вместе с этим сообщением мы получили также следующее заявление одной из групп, входящих в вышеупомянутую организацию.)

«Мы, ...ские рабочие, вынужденные в силу экономической необходимости, а вовсе не по наущению каких-либо агитаторов решили организоваться и примкнуть к организации «Искры», тем более, что обобществление средств и продуктов производства в руках производителей—главный пункт нашего символа веры. Желая стать «человеком» и удовлетворить свои культурные потребности, мы считаем необходимым: 1) введение 8-часового рабочего дня, 2) увеличение заработной платы свыше средней потребности рабочего.

«Мы признаем наличность классовых интересов пролетариата и капиталистов, а потому наша цель — уничтожение этих противоречий, средством — мы считаем классовую борьбу (политические убийства допустимы лишь тогда, когда совершаются самой массой) и, как одно из главных средств,—организованную мирную стачку; в различных же осложнениях, сопровождающих стачку, в виде поломки машин, грабежей и различного рода насилий, мы видим проявление царящей в России темноты, усиленно насаждаемой самодержавной политикой; но, оправдывая осложнения эти, мы еще не признаем их пригодным средством борьбы.

«В системе детского труда мы видим одно из проявлений экономической необеспеченности рабочего, вынужденного себя отдавать во власть хозяйской эксплоатации чуть ли не с самого детства, и считаем необходимым из'ятие детей без всяких оговорок до 16-летнего возраста.

«Для уничтожения все увеличивающейся конкуренции между женским и мужским трудом мы требуем одинаковой заработной платы как для мужчин, так и для женщин. Во время болезни рабочего мы считаем необходимым обязать капиталиста уплачивать рабочему вознаграждение в размере половинной заработной платы. Тоже самое и беременным женщинам за все время безработицы.

«Во всех случаях столкновения рабочих с фабричной администрацией мы требуем немедленного удаления лиц, ненавистных для рабочих. Если будут введены на наших фабриках фабричные старосты, то требуем, чтобы полиция и фабричная администрация не вмешивались в дело выбора старост — это дело самих рабочих, перед которыми старосты и ответственны. До годичного срока старосты могут быть смещены только рабочими, а перед административной властью они являются лицами неприкосновенными. Выборы должны быть обставлены полной свободой, — на них должна быть допущена свобода слова и признана гарантия личной неприкосновенности, подача голосов должна быть безусловно тайной, — в противном случае мы будем видеть в старостинстве новую ловушку со стороны господ Зубатовых. Ведению фабричных старост должно подлежать: дать или не дать согласие на увольнение того или иного рабочего с фабрики. Все наши экономические требования мы считаем невозможным выполнить при теперешнем положении современного самодержавно-бюрократического строя, а потому мы вынуждены заявить следующие политические требования:

«Ограничение самодержавной власти: 1) учреждение всероссийского земского собора, ставящего под свой контроль всю политику государства; 2) признание законодательным путем свободы слова, ассоциаций, стачек и гарантии личной неприкосновенности, без наличности которых все существование земского собора сводится к нулю; 3) выборы депутатов в земский собор должны составлять всеобщее, равное и прямое право с тайной подачей голосов.

Касса: процентное обложение: с рубля заработка платы 4 к. Из них: нелегальная литература 10%, легальная 10%, в помощь арестованным 20%, общий стачечный фонд—40%, конспиративные расходы—20%».

Приветствуем от всей души смелый почин самовозрождающейся рабочей соц.-демократической организации! Будем надеяться, что опубликование ее сообщений поведет быстро к восстановлению порванных связей.

Александровск. (Екатеринославск. губ.). В средине июля местной организацией был выпущен листок, содержащий описание южно-русских стачек. В нем александровские рабочие приглашались примкнуть к стачке и поддержать товарищей. В это же время дошли до нас сведения о готовящейся забастовке в городе Екатеринославе. Комитет поспешил сорганизовать авангард и выработать план действий; на четырех сходках, состоявшихся между 25 июля и 9 августа, был выработан план и решили забастовку соединить с политической демонстрацией, но не выступать раньше Екатеринослава. Однако ремесленники не выдержали и бросили работу еще 26 июля. Забастовали все портные, сапожники, жестянники и последними — модистки. Некоторые ремесленники держались стойко: например, в мастерской Бакальчуко более двух недель. Таким образом самый сознательный боевой элемент уже был утомлен стачкой, когда 9 августа пришли известия о кровавых событиях в Екатеринославе. Все заводы были настроены и готовы были бросить работу в тот же день. Некоторые же ремесленники, у которых забастовка была уже выиграна, колебались, а иные агитировали даже против нее. Организация выпустила снова листок и собрала сходку. На сходке был элемент небоевой; большинство старички семейные, а также протестующие против забастовки ремесленники. Однако к концу сходки все высказались за забастовку, но в авангарде пошли немногие—человек 35. С таким количеством передовых бойцов в городе, который не получил еще политического воспитания, выступать со всеобщей забастовкой было бы безумием. К тому же полиция и жандармерия приготовились; были стянуты все жандармы с вновь строящейся линии Екатеринославской дороги и в городе ждали со дня на день войска. Таким образом забастовку пришлось отложить на неопределенное время.

Однако, несмотря на такое решение местной организации, рабочие не успокоились: через два дня после сходки к одному из передовых рабочих, близко стоящих к Комитету, пришла депутация от железнодорожных мастерских и некоторых заводов с упреком, что их игнорируют, не призывают на сходки, а набирают каких-то калек революционеров, и просила Комитет снова собрать сходку, обещая пригласить более подходящий элемент. В это время пришло известие, что забастовка в Екатеринославе кончилась, и ходили слухи, что кончилась плачевно, неудачею и массой жертв. Несмотря на это, Комитет назначил сходку, которая не могла состояться по случаю проливного дождя; она была отложена, но не состоялась опять, так как в город прибыли казаки, и неокрепшая еще организация чувствовала себя недостаточно сильной, чтобы устраивать политическую демонстрацию при наличности непривычных для города войск. Хотя забастовка не состоялась, но ряд собраний и сходок имеет огромное значение: молодая александровская организация успела воочию изучить местный пролетариат; она запаслась опытом на будущее время и выдвинула целый ряд активных борцов. За это время по 10 октября организация выпустила листки к крестьянам деревни Левшиной (25 верст от Александровска), деревни Балабиной (15 верст). В последней поп произнес речь против «разбойников-социалистов», но вся молодежь демонстративно вышла из церкви, и когда он возвращался домой, то его телегу проводили гиканьем и свистом. Комитет выпустил ответный листок. После этого было несколько обысков, арестовано трое крестьян: двое мужчин и одна женщина. Распространен в городе печатный листок Екатер. Комитета о результатах последней стачки. Выпущен листок местной организацией: «Почему мы боремся за политическую свободу», в количестве 700 экземпляров.

Егорьевск, Рязанской губ. В «Русск. Вед.» от 23 сентября ст. ст. напечатано, что 22 сентября в уголовном отделении Московской судебной палаты, при участии сословных представителей, разбиралось (при закрытых дверях) дело о беспорядках на Хлудовской фабрике [14] в г. Егорьевске, Рязанской губ. Обвиняемые 10 человек (всего было привлечено к делу 11 чел., но один на суд не явился) признаны виновными по 1-й ч. 269[1] ст. Улож. о наказаниях и приговорены: шестеро к заключению в тюрьме на восемь месяцев с лишением всех особенных прав, один на четыре месяца без лишения прав, двое — на два месяца и один оправдан.

Беспорядки или «бунты» в Егорьевске — небольшом уездном городке с 30-тысячным населением и с восемьюдесятью тысячами рабочих на нескольких фабриках (товарищества бр. Хлудовых, Бардыгина, Князева и др.) — случаются уже не впервые. Я хорошо помню «бунт» 1893 г., когда весь фабричный двор Хлудовской бумагопрядильни, в несколько десятин размером, был засыпан, как снегом, клочками конторских книг, счетов, квитанций и пр.; когда речка Гуслянка, протекающая около фабрики, чуть не выступила из берегов, заваленная кусками коленкора, мотками пряжи и т. п. Разгром был полный ... Были вызваны спешно войска. После «бунта» город, в лице своих отцов, обратился, куда следует, с просьбой о присылке постоянного войска. Просьбу уважили и прислали целый полк. Судил «зачинщиков» (если не ошибаюсь, их было 17 человек) в Егорьевске же окружный суд. Защищал бесплатно Плевако [15], и приговоры были сравнительно легкие. Настроение у рабочих, благодаря выигрышу стачки *, защите Плевако («сам Плевака нас защищал», — говорили потом рабочие) и общей обстановке суда — сочувствующая публика — было бодрое, но оно не было совершенно использовано благодаря отсутствию «революционных бацилл». После 1893 г.[15] «беспорядки» раза два или три повторялись, но в них не было уже единодушия, и Хлудовы, Бардыгины и пр. продолжали хозяйничать попрежнему. И вот в нынешнем, 1903 г., в феврале опять «бунт» и опять разгром ... Результатов почти никаких, полиция вначале же «выхватила» кого посмелее и куда следует представила. И опять, возможно, заснет Егорьевск, несмотря на то, что находится в промышленном районе, на железной дороге и в 100 верстах от Москвы.

Егорьевское «дело» заставляет позадуматься. В самом деле: почему Юг, Кавказ, восточные губернии то и дело «оказывают» себя, да еще так глубоко и серьезно оказывают! И в то же время целая полоса (Московская, Владимирская, Калужская, Рязанская губ.) России молчит и, повидимому, спит! Не так ведь давно и тут «волновались»! А теперь? Просмотрите корреспонденции «Искры» хотя бы за последние 25 №№, — много ли вы найдете сообщений из этой полосы, из этого центра русской мануфактурной промышленности? Старые «бунтовщики», «девятидесятники» — Иваново-Вознесенск, Орехово-Зуево, Шуя и др. — молчат, заглохли, а про мелочь, вроде Коломны и Серпухова, и говорить нечего! Почему? Неужели рабочий этой полосы России менее восприимчив к социал-демократической пропаганде, чем южанин? Тот факт, что сами рабочие этого района, без всякого постороннего влияния, начинают читать, хотят добиться «сути», учатся, говорит за то, что здесь уже не такое сонное царство, что интерес к книжке, к знанию, к «уразумению» существует. Я знаю один кружок рабочих, устроивший по своей собственной инициативе кассу для покупки таких книжек, как брошюрки свящ. Петрова [16], «книжка за книжкой» изд. Слепцовой и др. Рабочие этого кружка питаются неудобоваримой пищей вроде самодержано-православного социализма Петрова, а из хороших, случайно попадающих книжек многое остается непонятным. Но все же читают! И такие действительно «отрадные» явления остаются неиспользованными. Почему? Ответ один — нет руководителей, нет «революционеров по профессии», нет никого, кто сумел бы направить ищущую рабочую мысль по социал-демократическому руслу!

С. Д.

Екатеринбург. Письмо рабочего льнопрядильно-ткацкой фабрики бр. Макаровых.

На фабрике выделываются пряжа, нитки, мешки и брезенты. Рабочих около 500. Фабрика разделяется на два отделения: прядильное и ткацкое; в прядильном отделении плата поденная и помесячная; в ткацком плата сдельная. В 1900 году на этой фабрике была стачка ткачей. Ткачи возмутились желанием хозяев понизить заработную плату и забастовали. Стачка была выиграна, плата осталась прежняя. Но хозяева стали прибегать к другим мерам для понижения заработной платы рабочих. Мужчин стали заменять женщинами. Раньше работали 2 смены по 11 часов каждая. При таком порядке нельзя было свободно пользоваться трудом женщин и подростков, так как женщины и подростки работают только днем. Чтобы широкое применение женского труда стало возможным, 11-часовая смена была заменена 9-часовой. В настоящее время одна смена работает от 4 часов утра до 1 часа дня, другая от 1 часа до 10 ч. вечера. Такой порядок больше не препятствует замене мужчин женщинами, и в настоящее время из 500 чел., работающих на фабрике, женщин около 300.

В прежние годы поденная плата обыкновенно составляла 70 к., она никогда почти не была ниже 50 к., теперь редко кто получает 50 к., средняя же плата 35 — 45 к. Понижается не только заработная плата, но уменьшается также размер пособий, выдаваемых роженицам. Пособие назначается из штрафного капитала администрацией и утверждается фабричным инспектором. Раньше роженице выдавалось 7 р.; как-то раз фабричный инспектор вместо 7 р. утвердил только 5 р.; с этого времени стали выдавать только 5-рублевые пособия. Недавно фабричному инспектору почему-то вздумалось вместо 5 р. утвердить только 2 р., и с тех пор роженица больше 2 р. не получает. Понятно, что при такой заработной плате (женщины получают 40 и 30 к. в день) жизненный уровень рабочих спускается все ниже, все реже рабочие видят за столом мясо, горячую пищу.

На фабрике нет даже фельдшера — вместо фельдшера какой-то невежда, не имеющий звания фельдшера. Какова бы ни была болезнь, он всегда дает только касторку, хину и скипидар; врач Поздеев существует только для формы; рабочих он не лечит, к нему почти никто и не обращается. Больной работнице он однажды заявил: «Лечить тебя обойдется 50 руб., похоронить — только два с полтиною, какой расчет фабрике тебя лечить?».

Работа страшно плохо отражается на здоровье рабочих: приходится работать в густой, удушливой пыли; пыль ложится на легкие, способствует развитию чахотки, портит глаза: когда рабочие выходят с работы, минуту-другую у них перед глазами стоит туман. Фабрика бессовестно расточает здоровье рабочих; если же приходится тратить на лекарства, то предпочитает дать расчет.

На фабрике царит страшный произвол администрации. Фабричный же инспектор Николаев не ездит на фабрику, боясь нарваться на какую-нибудь жалобу рабочих. Вследствие небрежного отношения администрации ко всякого рода ограждениям на фабрике бывают часто несчастные случаи с рабочими. Пострадавшие от несчастных случаев рабочие получают во время болезни 60% жалованья и более ничего, хотя они и остаются без рук, без пальцев. Фабричная администрация, бессовестно эксплоатируя и калеча рабочих, этим не довольствуется, она еще позволяет себе издеваться над рабочими и работницами и всячески оскорбляет их человеческое достоинство. Более других в этом отличаются директор фабрики Джон Кристи и бухгалтер Замараев. Директор Кристи ругает рабочих самым неприличным образом и глумится над человеческим достоинством работниц. Хорошеньких, красивых работниц он преследует своими гнусными предложениями, часто оскорбляя их наигрубейшим образом. Для подтверждения сказанного

---

* Рабочие требовали более человеческого обращения, уничтожения платы харчами, удаления кое-каких служащих и пр. Почти все требования были удовлетворены; директор и часть администрации уволены (Хлудовская фабрика). На других фабриках, тоже присоединившихся к бунту (Бардыгинская, Князевская), были выставлены аналогичные требования и тоже удовлетворены. «Хозяева» и «город» были перепуганы не на шутку.

можно было бы привести много фактов. Что касается бухгалтера Замараева, то он не только систематически притесняет и оскорбляет рабочих, но нередко применяет кулачную расправу.

Чернигов. Времена меняются... Давно ли черниговского обывателя можно было только посмешить заявлением, что рабочие требуют «правов», что они пред'являют какие-то культурные запросы. Теперь не то: над стачечниками больше не смеются, и требования рабочих никого не удивляют. Обыватель молчаливо признал за рабочими право на борьбу, и только мелкие хозяева-ремесленники, которым особенно не по душе пришлось «бунтарское» настроение рабочих, жалуются на новые времена. «Ах, какие теперь времена настали, какие времена! Житье у нас стало хуже, чем в Сибири! Бывало, у тебя рабочий работает, сколько нужно, ест, что дашь; бывало, и толкнешь его, — не обижается: без этого нельзя, всякий понимает. А сейчас... ой, ой! Лучше бросить все дело!.. Рабочие захотели жить как студенты. Наступает семь часов вечера, и ты их ничем не удержишь: одеваются и уходят. А насчет ночной работы и не заикайся. И за все им плати: за лишний час работы — плати!.. Паршивый малыш и тот кричит: давай лучшую пищу, не смей меня трогать, а не то уйду. Получает рубль-два в месяц, и то платит две копейки «в кассу». — «В какую кассу?» — «В какую? О, вы не знаете, как у них все умно устроено!» И застигнутый врасплох новыми временами мелкий хозяин подробно рассказывает о стачечных кассах, все время повторяя: «О, у них очень умно все сделано». Но что особенно удивляло и возмущало его, так это то, что рабочие «бунтуют, бездельничают, гуляют на реке, и их же еще кто-то поддерживает и дает им деньги». «Говорят, будто все студенты тут виноваты; но я не верю, чтобы такой ученый народ и делал такой плохой гешефт». Другой, наоборот, был убежден, что «студенты в этом деле причинны». «Знаете, — говорил он, — тут великое дело, страшно великое дело, трудно и рассказать. Студентам плохо живется: кончают они университет и служат в канцеляриях на 25 руб., а другие паны без образования миллионами владеют... Народу тоже плохо живется... За границей, видите ли, там больше прав имеют, меньше работают. Вот и у нас того же хотят». Таким образом, под влиянием народившегося рабочего движения, и в слои мелких хозяев-ремесленников начинает проникать смутное сознание существующего у нас общественного неустройства. А рабочее движение у нас, в Чернигове, совсем еще молодое: в марте у нас была всеобщая стачка портных (см. 41 № «Искры»), затем в августе такая же стачка произошла среди столяров. Участвовало в ней до 70 человек, и продолжалась она около двух недель. В стачке принимали участие еврейские и русские рабочие, и, когда евреям-рабочим сделаны были уступки, они отказались стать на работу до тех пор, пока такие же уступки не будут сделаны их русским товарищам. Требования были очень скромные: десятичасовой рабочий день и введение расчетных книжек. Хозяева тотчас же обратились за помощью к полиции, которая арестовала трех «зачинщиков». Полицеймейстер вызвал рабочих поодиночке и угрозами и зуботычинами старался их заставить стать на работу. Рабочие держались очень стойко и завоевали десятичасовой рабочий день. Во время стачки была выпущена к столярам прокламация за подписью «Революционная Социалистическая Группа». Рабочие недоумевали, что это за группа, так как они считают только соц-дем. истинными друзьями рабочих. Вслед за столярами забастовали слесаря, требуя десятичасового рабочего дня, чего через два дня добились. По поводу последних событий на юге в Чернигове была распространена прокламация за подписью «Черниговская Соц.-Дем. Группа».

Севастополь. Последнее время отмечено у нас энергичной борьбой рабочих-портных с хозяевами. Не так давно хозяева дамско-портняжного цеха составили (по инициативе Шейнкора) союз для борьбы с рабочими, направив его главным образом на уничтожение помесячной платы и на введение сдельной. Рабочие не согласились и предпочитали сидеть без работы и в буквальном смысле слова голодать, чем принять эту форму расплаты. Наступило время сезона — самое дорогое для хозяев время. Посыпались заказы, а исполнять их некому. Неся огромные убытки, хозяева по необходимости стали соглашаться на условия помесячной платы, но при этом они не принимали на работу тех из рабочих, которые наиболее энергично стояли за помесячную плату. Возмущенные этим рабочие решили выразить протест этому союзу хозяев в лице его организатора Шейнкора и постановили не допускать в его мастерскую никого из мужских подмастерьев, оставив у него одного годового. Дело пока очень дружное. Ему не мешали и приезжие рабочие, которые, став на работу, по предложению севастопольских товарищей, уходили через день-два. Тогда Шейнкор, пользующийся покровительством градоначальника, адмирала Спицкого, жене которого он сумел угодить работой, обратился к нему за защитой и указал ему на трех рабочих, как на главных «агитаторов и бунтовщиков». Спицкий защитил портного ее превосходительства, и через пять часов три «агитатора и бунтовщика» были высланы из города, причем им не было дано времени на устройство своих личных дел. Шейнкор торжествовал, но не долго. Весть об этом акте произвола быстро распространилась по городу, и возмущенные товарищи немедленно же окончательно лишили Шейнкора рабочих на весь сезон, не исключая и годового подмастерья, который взял расчет и уехал из города. Шейнкор рвет и мечет и теперь, ступив уже на дорогу доносов, грозил высылкой еще пятерым рабочим и трем интеллигентам. Общественное мнение на стороне рабочих. На-днях же началась стачка портных мужского портняжного цеха, которую решили вести поочередно. Портные требуют повышения платы. Первая забастовка у Новика закончилась, повидимому, удачно: он согласился прибавить половину требуемой суммы (50 коп. вместо 1 рубля за штуку). В настоящее время стачка об'явлена у портного Левина; требования те же. По примеру Шейнкора и хозяева мужского портняжного цеха решили обратиться к градоначальнику и донесли на рабочих. Поживем — увидим.

Херсон. Нам доставлена из Херсона обширная корреспонденция, подробно излагающая историю рабочего движения в Херсоне. История эта, отличаясь лишь отдельными эпизодами от истории других городов, является типичной для русского провинциального города. Кружковщина, кустарничество, полная оторванность от центров рабочего движения, чрезвычайное сужение задач социал-демократии — вот картина херсонского движения вплоть до 1903 г. Стачка на табачной фабрике Лермана (140 раб.), в 1902 г. внесла было некоторое оживление в дела херсонской соц.-дем. организации, но затем кустарничество и экономизм вновь одолели, и все пошло по-старому. Для будущего историка картина херсонского движения, подробно описанная нашим корреспондентом, представит любопытный материал.

Заимствуем из корреспонденции следующие сведения, относящиеся к 1903 году. Начало этого года характеризуется переходом к массовой агитации, принимающей политический характер в противовес прежнему «экономизму». Выпускаются листки: «О том, как освободиться от экономической эксплоатации», «Кто мешает пролетариату сорганизоваться», «О самодержавии и политической свободе». Распространяется брошюрная литература. Связи с рабочей массой становятся обширнее и прочнее. Некоторую смуту в работе организации вносит образование «оппозиции», требовавшей возврата к устаревшим приемам пропаганды. После борьбы и долгих переговоров «оппозицию» удалось обезвредить и присоединить к организации. В течение последних месяцев были выпущены следующие листки: «Письмо очевидца из Златоуста», «Как держать себя на допросах», «О кишиневском погроме», «Ко всем» (о приговорах Одарику и Дзюбинской).

Несмотря на незначительность фабрично-заводского населения (около 5.000), уже в настоящее время в Херсоне чувствуется сильный недостаток в опытных организаторах и агитаторах. Об'ясняется это отчасти тем, что лучшие рабочие, не находя достаточного простора для применения

своих сил в Херсоне, перекочевывали в другие города, отчасти же тем, что работа местной социал-демократической группы начала за последнее время быстро расширяться. Так, удалось установить связи с соседними уездными городами, а также начать пропаганду и агитацию среди крестьян, охотно читающих соц.-дем. литературу и бывающих на рабочих сходках. В одной деревне чуть ли не все крестьяне бывали на собраниях и читали литературу.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРЕНИЕ

ДЕСЯТЫЙ КОНГРЕСС БОЛГАРСКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РАБОЧЕЙ ПАРТИИ В РУЩУКЕ.

Из всех политических партий Болгарии одна социал-демократическая партия обладает строго проведенной организацией, имеет определенный устав и программу; она же одна устраивает правильные ежегодные с'езды, дающие руководящие указания для партийных органов и всех местных организаций. Таким образом она является единственною в Болгарии прочно-организованною политическою партией, и этим в значительной мере об'ясняется ее крупное влияние на общественную жизнь страны.

Работы X с'езда болгарских социал-демократов определялись исключительными условиями, в которых им приходится действовать и бороться в настоящее время. С одной стороны, они должны были укрепить организм партии после происшедшего весною этого года раскола между оппортунистами и революционными социал-демократами; с другой — им необходимо было связать интеллигентское социал-демократическое движение с молодым рабочим движением и направить все силы к тому, чтобы сделать это стихийное движение сознательно-классовым, социал-демократическим. Эта задача являлась тем более настоятельной, что, при при все быстрее растущей реакции со стороны правительства князя Фердинанда и части самой крупной буржуазии, будущность социализма в Болгарии может быть обеспечена только сильной организацией рабочего класса и широким и полным развитием его классового самосознания.

Социализм в Болгарии зародился значительно раньше болгарского рабочего движения. Даже после того, как болгарские социалисты об'единились, в начале девяностых годов, в Социал-Демократическую Рабочую Партию, участие рабочих как в политической жизни страны, так и в социалистическом движении было совершенно ничтожно. Партия была фактически партией интеллигенции: учителей, мелких чиновников и некоторой части мелкой, сельской и городской буржуазии. Только в самое последнее время, начиная с 1897—1898 гг., рабочие стали организоваться, готовиться к борьбе и бороться, по мере того как капитал стал переходить из области торговли и ростовщических приемов «первоначального накопления» в область крупно-промышленного производства. Мелкобуржуазным составом партии об'ясняется и то обстоятельство, что долгое время главную роль в ее деятельности играла минимальная, а не максимальная программа. Принципы последней являлись для многих из вожаков чем-то абстрактным, чуждым и совсем ненужным в ежедневной борьбе. Отсутствие крупных фабричных центров и сплоченных масс пролетариата толкало партийных деятелей в деревни, население которых — подавленное и разоренное — звало их на помощь. Во время избирательной борьбы агитаторы партии несколько раз успевали привлечь на свою сторону крестьян обещаниями уменьшения государственных налогов, сокращения военного бюджета и т. д., но, главным образом, своей критикой капитализма, разрушающего старые «устои» деревенской жизни и толкающего в ряды пролетариата — а еще чаще в босячество — многих и многих крестьян. На социал-демократов крестьяне смотрели как на своих лучших друзей, борющихся за спасение их от влияния капитализма, главным образом от пролетаризации. Естественно, что при таких отношениях между партией и мелкими сельскими собственниками случилось то, что предвидел — по поводу подобного же случая — 10 лет тому назад Карл Каутский: вместо того чтобы крестьяне были «пойманными» партией, стало ясно, что, наоборот, крестьяне «поймали» партию, заставив ее превратиться в радикальную партию во французском значении слова.

Но с появлением и ростом рабочего движения, с возникновением профессиональных союзов и других рабочих обществ, особенно же после целого ряда более или менее крупных забастовок фабричных рабочих в некоторых городах, многие из партийных членов, главным образом теоретически образованные марксисты, стали все чаще и настоятельней пред'являть требование о создании рабочей партии или, как они говорили, о перемещении центра тяжести нашей партии из среды крестьян и ремесленников в ее естественную среду, в среду фабрично-заводского пролетариата. Мало-по-малу в рядах партии стали оформляться два—существовавшие, впрочем, в зародыше и ранее — течения, принципиально противоположные друг другу, борьба между которыми кончилась, весною этого года, расколом в партии.

Одно из этих течений не было представлено теоретически до самого последнего времени. Это было течение так называемых «практиков», работающих по-старому среди крестьян и мелкой буржуазии городов, несмотря на решения нескольких с'ездов, отвергших эту тактику и рекомендовавших работу (пропаганду и агитацию) среди рабочих и в интересах рабочего движения. Пока не было теоретиков этого течения, его приверженцы спокойно принимали на словах все, что постановляли с'езды партии, и не давали особенного повода к раздорам и спорам. Но с 1900 г. такие теоретики появились. В начавшем к тому времени выходить в свет журнале «Общее дело» член Центрального Комитета и депутат партии Я. Саказов [17] попытался оправдать принципиально и рекомендовать, как единственно истинный старый способ действия партийных товарищей, их мелкобуржуазную тактику. Внешним толчком для рассуждений Саказова послужило то обстоятельство, что в 1900 г. Болгария находилась под гнетом партии так называемых «палочных», «черкесов», т. е. приверженцев осужденного за злоупотребления и кражу государственных денег д-ра Радославова [18]. Другим — более интимным — поводом было, как признавался сам Саказов, брожение в рядах западно-европейских социалистов, между прочим «учение Бернштейна».

Саказов рассуждал приблизительно так: правление Радославова является признаком наступающей политической реакции; вполне возможно и вероятно уничтожение конституции и торжество монархизма. Этого допустить не следует. Но каким образом может «народ» не допустить этого? Политические партии в стране не представляют собою классовых партий, а простые клики хищников-буржуа, простые политические котерии. С своей стороны, социал-демократия не обладает достаточной силой, чтобы одной сломить реакцию. Что же делать? Саказов ответил, что надо обратиться прямо «к народу, к народу и к народу», т. е. ко «всем производящим слоям» населения: «К торгово-промышленной буржуазии, ремесленникам, крестьянам и рабочим», не желающим политической реакции, координировать их стихийные и разрозненные движения и таким образом организованную политическую силу «производящей демократии» противопоставить поползновениям князя и реакционеров. С этой целью Саказов апеллировал к отдельным «честным и благородным» личностям в различных существующих партиях, вообще ко всем интеллигентным людям и друзьям прогресса, ставя им задачей вести народ на борьбу за «законность и свободу», за «хорошую и разумную финансовую и экономическую политику государства» и т. д. Только таким образом, — думал Саказов, — возможно было бы создать прочные демократические учреждения в стране, т. е. необходимый базис правильного ее развития в будущем, равно как и предварительные условия дальнейшей борьбы между различными партиями.

Эта «теория» Саказова показывает, что и болгарская социал-демократия не избегла заразы оппортунизма, что и она способна рождать своих Бернштейнов, столь же мудрых и столь же дальновидных. Однако эта «теория» и в Болгарии нашла должный отпор со стороны «узких»,

«ортодоксальных» революционеров. Во главе с Д. Благоевым [19], редактором научного органа партии и депутатом парламента, товарищи, стоящие на твердой почве социал-демократического учения, вступили в беспощадную борьбу с саказовцами. Они решительно стали на точку зрения классовой борьбы, а для отпора поползновений правительственной реакции сочли лучшим средством крепкую организацию пролетариата в сознательную социал-демократическую партию.

В дискуссиях на двух предпоследних с'ездах партии, а также в литературном споре между обеими сторонами, длящемся уже более трех лет, вполне выяснилась оппортунистическая политика саказовцев. В разгаре борьбы они мало-по-малу договорились до отрицания будущности болгарского капитализма, а следовательно, и всей программы партии. Появились толки об «оригинальном» болгарском социализме; о новом — выдаваемом за взгляд западноевропейской социал-демократии — понимании отношения социализма к мелкой частной собственности; о «сотрудничестве классов», как о «диалектике истории» и законе развития и т. д. На практике эта «теория» проявилась в том, что «широкие» социалисты стояли за политику «открытых дверей» при приеме новых членов в партию, хотя бы и мало понимающих в социализме; за устранение теоретической борьбы среди партийных товарищей и против постоянного поднятия теоретического уровня последних, обосновывая это тем, что рабочие-де по самому своему положению социал-демократы и что им мало проку от того, согласны или нет между собою «теоретики» партии. «Широкие» социалисты защищали также «нейтралитет» профессиональных союзов, охотно однако привлекая их при случае на свою сторону.

В начале этого года борьба между двумя течениями приняла такой ожесточенный характер, что вся деятельность партии вполне парализовалась. В парламентской группе, в Центральном Комитете, в местных организациях споры исчерпывали всю энергию партии. Все чувствовали, что раскол неизбежен, и все его ожидали на ближайшем с'езде. Но события опередили эти ожидания. В Софии, после шестимесячной ожесточенной борьбы между двумя течениями, 52 из лучших членов выступили из организации и основали новую. Большинство Центрального Комитета признало эту новую организацию местным софийским комитетом, об'явив старую организацию несуществующей. Это было сигналом к расколу. Меньшинство Центр. Комитета провозгласило решение последнего незаконным и, не дожидаясь с'езда и забрав архив, печать и деньги партии, об'явило себя Центральным Комитетом. Большинство Центр. Комитета, во главе с Благоевым, обратилось к партии с протестом против узурпации своих прав со стороны Саказова и его товарища Дабева и с требованием, чтобы местные организации решили, кто будет Центральным Комитетом до конгресса. Большая часть (40) комитетов примкнула к большинству Центр. Комитета; десятка два их присоединилось к меньшинству, к Саказову. Таким образом в Болгарии стали существовать рядом две партии с одинаковыми названиями, программами и уставами.

Конгресс, о котором здесь идет речь, явился конгрессом большинства старой партии, так называемых «узких», «ортодоксальных» социал-демократов.

Так как раскол произошел до него, то с'езд ограничился только санкционированием происшедшего, т. е. утверждением отчета Центрального Комитета.

Надо признать, что этот с'езд много поработал. Такого трудолюбивого с'езда болгарская партия до сих пор не видела. Все пункты порядка дня, за исключением одного, были рассмотрены, и по всем ним были приняты соответствующие резолюции. Вот этот порядок дня: 1. Отчеты Центр. Комитета, партийного органа («Рабочая Газета») и парламентской группы. 2. Деятельность и тактика партии: а) пропаганда и агитация, б) избирательная борьба. 3. Пересмотр устава партии. 4. Кооперации. 5. Профессиональные союзы рабочих. 6. Партийная печать: а) центральный орган, б) брошюры для пропаганды. 7. Отношение партии к организациям ремесленников. 8. Македонский вопрос. 9. Минимальная и муниципальная программы. 10. Отчет кассы партии и ее органа. 11. Различные предложения.

Я не буду подробно останавливаться на всех пунктах. Сообщу только сущность главнейших резолюций, принятых с'ездом. На первый план выступает постановление о пропаганде и агитации.

Принимая во внимание, что, прежде чем пускаться в широкую деятельность, партии необходимо пустить прочные корни в среде пролетариата; что эту задачу можно тем легче разрешить, чем выше теоретический уровень партии и солиднее ее организации, резолюция эта вменяет в обязанность всем организациям: во-первых, действовать по указаниям Центр. Комитета для поднятия теоретического уровня своих членов и для упрочения партийной дисциплины; во-вторых, быть более требовательными при принятии новых членов в партию; в-третьих, развить систематическую пропаганду и агитацию социализма и программы партии в среде неорганизованных и организованных рабочих с целью пробудить или усилить их классовое самосознание и привлечь их в партию или в другие организации рабочих; в-четвертых, сосредоточить во время выборов, имеющих место в октябре, силы и средства партии преимущественно в промышленных центрах и городах, строго придерживаясь установленной, отрицающей компромиссы выборной тактики и особенно напирая на конечные цели программы.

Второй важной резолюцией является резолюция Бакалова о печати. Партийному органу дается, в силу этого решения, еще новый редактор в лице бывшего депутата Киркова; «Красный Народный Календарь» [20], альманах партии, будет издан в 25.000 экз.; Центр. Комитет должен издать комментарий — в виде обоснования и развития основных положений партийной программы. Создается, кроме того, фонд для издания брошюр по злободневным вопросам; основывается, постепенным расширением экспедиции «Рабочей Газеты» и «Красного Календаря», книжный магазин партии и т. д.

Особенно важные для переживаемого партией момента решения были приняты по синдикальному и кооперативному движению рабочих. Обе резолюции дают целую программу действия партийным товарищам-организаторам. Первая из них, исходя из положения, что синдикальное движение является лишь одной стороной общей сознательной классовой борьбы пролетариата; что оно действительно лишь постольку, поскольку находится в постоянных и тесных сношениях с социал-демократической партией, ставит, как *первую* задачу, партийным членам «социалистическую пропаганду и агитацию среди наемных рабочих с целью их организации в профессиональные союзы, на почве классовой борьбы», и рекомендует им, в восьми пунктах, сделать все возможное для усиления существующих и основания новых союзов.

Вторая из названных резолюций, выясняя сущность производительных и потребительных кооперативных обществ, указывая на то, что они не могут уничтожить капитализм; что потребительные товарищества рабочих *только тогда и только там* могут быть полезны для освободительной борьбы пролетариата, когда и где этот последний организован в могучие синдикаты и партию и когда эти общества находятся в теснейшей *связи* с синдикатами и партией, — указывая на все это, резолюция рекомендует основание кооперацій только в городах с значительным, по числу, по организованности и сознательности, пролетариатом. Для принятия в партию отдельных кооперацій резолюция ставит следующие условия: а) члены кооперации должны быть членами партии; б) кооперации должны тратить известную часть своих доходов и средств на непосредственную социалистическую пропаганду и агитацию; в) они должны вносить известный % своего дохода в Центральную кассу партии; в заключение резолюция рекомендует большую осторожность при основании кооперативных товариществ.

Единственный, хотя и довольно чувствительный, недостаток всех работ с'езда состоял в том, что он не особенно сильно подчеркнул необходимость борьбы против грядущей дворцовой реакции. Несмотря на вполне хорошо обрисовавшийся новый режим князя Фердинанда и его креатур; несмотря на всю важность широкой политической свободы для рабочих и их будущей борьбы, — с'езд уделил очень мало времени вопросу о борьбе социал-демократов с поли-

тической реакцией. Он даже упустил случай резко высказать протест против незаконного уничтожения (без согласия парламента!) принятого в начале этого года народным представительством закона о чиновниках!.. Но этот недостаток вполне окупается и извиняется сделанной громадной работой и отсутствием времени, а еще и тем обстоятельством, что конгресс принял резолюцию по македонскому вопросу, широкое понимание которой дает решение и указанного мною вопроса о борьбе с реакцией. Эта резолюция гласит: «X с'езд болгарской социал-демократической партии, высказывая свое возмущение по поводу зверств, совершающихся со стороны турецких властей в Македонии [21], и свое сочувствие истинным македонским революционерам, рекомендует в то же время всем партийным товарищам разоблачать, в каждом данном случае, настоящий характер так называемого македонского движения в Болгарии, которым пользуются не для освобождения Македонии, а для попрания вольностей (свободы) и задержки развития нашей страны».

Замечу, наконец, что представители болгарских сознательных рабочих не забыли высказать свою солидарность с рабочими других стран. Между прочим поздравительными телеграммами послан был с'ездом привет русским товарищам в лице Г. В. Плеханова, самого популярного в Болгарии теоретика революционного социализма.

СТАЧКА В ЛИЛЛЕ.

В северо-восточном уголку Франции, по соседству с бельгийской границей, раскинулся вокруг города Лилля один из главных районов прядильно-ткацкой промышленности. Целый ряд коммун — Армантьер, Уплин, Туркоэн, Рубэ и др. — живет этим трудом, и, надо признать, живет довольно плохо, так как эксплоатация рабочих в этой отрасли производства достигает крайних размеров. И без того низкая заработная плата грозила пасть еще ниже, благодаря введению закона о 10-часовом рабочем дне (закон Мильерана-Кальяра) [22], и вот ткачи в Армантьере, не дожидаясь предполагавшейся весной всеобщей стачки рабочих текстильной промышленности, бросили в начале октября работу. До какой крайности доведены были ткачи, лучше всего свидетельствуют слова буржуазной газеты «Temps», которую трудно заподозрить в симпатии к стачечникам. «Рабочие (ткачи) жалуются, что хозяева не применяли тарифа 1889 года, и эта жалоба основательна. В Армантьере насчитывается 39 фабрикантов, у которых работает 10.000 мужчин и женщин; конкуренция между предпринимателями достигает крайних пределов, и побеждают в ней те, кто понижает расценки, чтобы производить дешевле. Таково же положение в соседней общине Уплин, где находится 11 ткацких мастерских и 5.000 рабочих. Что касается Лилля, то там тариф 1889 года никогда не применялся. Хозяева всегда по произволу договаривались со своими подчиненными».

Несмотря на то, что стачка началась совершенно спокойно, местные власти поспешили наводнить всю округу войсками и полицией, «чтобы избежать возможных случайностей». Быть может, именно благодаря этой провокации стачка приняла через несколько дней бурный характер и разразилась разгромом нескольких фабрик. Такой же взрыв повторился еще раз 13 октября. Буржуазная пресса поспешила, конечно, раздуть происшедшее до чудовищных размеров и обвинить в подстрекательстве к беспорядкам Жюля Гэда, произнесшего в Народном доме в Армантьере политическую речь. Дело в том, что Гэд, указав в своей речи, как движение, подобное происходящему среди рабочих Северного района, с исторической необходимостью приведет в конце к коллективизму, закончил словами: «На вашей стороне количественный перевес; когда вы захотите, вы будете в состоянии захватить центральную власть; тогда, менее чем в неделю, экспроприация класса капиталистов станет свершившимся фактом. Возражая буржуазным газетам, «Socialiste», орган соц. партии Франции, справедливо замечает, что «Гэд не затем ехал туда, чтобы проповедывать смирение; истинными же подстрекателями являются те, кто прервал начатые по поводу стачки переговоры». «Что же касается насилий, — продолжает «Socialiste», — мы должны заметить, что они в значительной мере имели целью заставить хозяев, правительственные власти и общественное мнение выйти из того гордого безразличия, которым эти три выразителя капиталистического порядка встречают все требования рабочих». И этой цели они действительно достигли: и хозяева и префект принуждены были приступить к переговорам, хотя переговоры эти затянулись, частью прерывались, возобновлялись опять и продолжаются еще и до сих пор. Чем они кончатся, сейчас предвидеть трудно, едва ли многого добьются рабочие, т. к. стачка в общем не достигла предполагаемых размеров и организованности; однако не подлежит сомнению, что заработная плата поднимется до уровня, установленного тарифом 1889 года.

Бросая работу, ткачи лилльского района рассчитывали вызвать всеобщую стачку в местной текстильной промышленности, однако расчет их не оправдался. Национальная федерация рабочих прядильно-ткацких фабрик постановила на последнем конгрессе вступить в общую стачку в апреле — т. е. в последний срок введения закона Мильерана-Кальяра: поэтому национальный совет федерации, застигнутый врасплох преждевременной стачкой ткачей в Армантьере, не мог нарушить данных ему инструкций и призвать к забастовке ткачей всего северного района; кроме того, сама национальная федерация ткачей очень недавнего происхождения и не в силах еще должным образом реагировать на все непредвиденные события. С другой стороны, при большом разнообразии условий работы и размера расценок, различных в разных фабриках, в разных отраслях ткацкого производства и в разных местностях, невозможно было об'единить движение на почве общих экономических требований. Благодаря этому стачка приняла несколько несвязный характер и не распространилась на весь район. О переговорах, ведущихся в настоящее время, сообщим по их окончании.

[Г. Лейтейзен-Линдов]

ИЗ ПАРТИИ

Старый, но вечно новый вопрос. (Письмо в редакцию.) Дорогие товарищи! Уже полгода я совершенно отрезан от жизни — от мира борьбы, и хотя за это время, вероятно, произошло немало крупных изменений, думаю, что и теперь стоит обратить ваше внимание на те вопросы нашей партийной жизни, о которых тогда не удалось написать.

Мы должны открыто признать, что в организационном отношении нам еще далеко до «ликвидации третьего периода» [23]. Тут дело не в с'езде, хотя он страшно нужен и многое поправит, — а в качестве наличных работающих сил, в их понимании задач общероссийской партийной деятельности. Идейная борьба с «экономизмом» во всех его разновидностях уже покончена, но, как показали истории последних расколов (начало 1903 г.) в Комитетах Петербургском, Киевском, Одесском [24], где все разногласия разыгрались на организационной почве, принцип централизации признан еще не всеми товарищами, да и признание централизации и новых организационных начал часто ограничивается только словами, в действительности все остается по-старому. Сочувствуя делу об'единения, большинство комитетов однако ничего не делало для его осуществления. Редко, почти никогда, товарищи, мы не делимся революционным опытом, сведениями о внутренней жизни наших организаций, результатом практического осуществления новых организационных принципов... И это не благодаря конспиративным условиям. Если мы отрешились от местной замкнутости, порвали с организационным демократизмом (который тормозит сношения, рассеивает революционную энергию), то необходимо на деле проявлять свою принадлежность к партии (люди, средства, партийная дисциплина, планомерность работы), нужно делиться друг с другом всем, что имеет интерес для революционной работы, необходимо — и это особенно важно — дать Ц. К. возможность действовать без промаха, благодаря полной осведомленности. К сожалению, должно констатировать, что очень

немногие комитеты обладают в пределах своего района необходимою для социал-демократической работы осведомленностью. Связи вне мира рабочих (и здесь часто непрочные и неширокие, благодаря отсутствию преемственности) и интеллигенции — случайного характера.

Нам нужна крепкая организация профессиональных революционеров — против этого почти никто не спорит! Но торжественное заявление, что комитет должен состоять из профессиональных революционеров, и одновременное пополнение организации совершенно неподготовленными людьми только дискредитирует движение, внося чуждый социал-демократическому делу элемент фразы, ослабляя свое влияние на рабочих, увековечивая слабость организаций, отсутствие в них преемственности. Товарищи! Оставим фразы социалистам-революционерам! Не нам — революционной социал-демократии, руководительнице рабочего движения — бояться правды: замалчивать недостатки организации из конспиративных или других целей могут только недалекие люди. Движение перерастает организации. Социал-демократия не в состоянии при теперешней организации использовать всей революционной энергии, какая развивается в рабочем классе и в широких слоях интеллигенции, крестьянства... При таких условиях недочеты нашей организации наносят непоправимый вред рабочему движению, делу революции, позволяя звучать в нем несоциал-демократическим голосам. Поэтому в данный момент, товарищи, создание действительной организации профессиональных революционеров, поднятие уровня работающих социал-демократов — наше главное дело, которому надо жертвовать всем. Вы заметили? — теперь опытные, дельные товарищи чаще бросают комитетскую работу, переходя на специальные функции. Это скверный симптом! Надо создать отдельную организацию, специально для подготовки к социал-демократической работе. Она будет находиться в непосредственном заведывании Ц. К., так как районы воздействия комитетов не охватывают пунктов, важных для революционной школы; распределение сил, естественно, должно быть в руках Ц. К.; необходимо возможно полное отделение боевой деятельности комитетов от подготовительной работы новой организации. Необходимо создать условия, при которых возможна работа на нелегальном положении; до сих пор к этому относятся спустя рукава, и комитеты не считают своим делом ни надлежащей постановки паспортного бюро, ни имения достаточного количества конспиративных квартир; у комитетов мало средств, связи с другими городами часто рвутся и долго не восстанавливаются; нет связей, чтобы пристроить нужного человека... Я не перечисляю всего, что необходимо для решения организационного вопроса; пусть товарищи, работающие над его решением, откликнутся на страницах «Искры», заставят примкнуть к этой работе и остальных. Пора Российской Социал-Демократической Рабочей Партии иметь стройную, могучую организацию! Форма и способы борьбы меняются. Оставаясь партией рабочего класса, мы должны спешить усилить свою боевую готовность, приобрести нужную силу для решительной схватки с самодержавием.

Август 1903 г.

Северянин.

Пермский Комитет Уральского Союза, [25] за невозможностью опубликовать пока постановление последнего с'езда Уральского Союза, об'являет, что, расходясь окончательно в своих теоретических убеждениях и тактических приемах с социалистами-революционерами, он в июне сего года целиком вошел в состав Пермского Комитета Росс. Соц.-Дем. Раб. Партии, признавая вместе с последним своим руководящим органом «Искру».

Пермский Комитет Уральского Союза работал два года, и, насколько это было возможно, старался осуществить намеченную программу (см. «Искру» № 21).

Велась кружковая работа среди рабочих, выпускалось много агитационных листков (на гектографе и мимеографе), в которых, по возможности, все частные случаи ставились в зависимость от общего политического и экономического режима. Так, напр., за мотовилихинскую февральскую стачку [26] (продолжавшуюся 3 дня) было выпущено нашим Комитетом более 5.000 листков.

Здешний Союзный Комитет имел свой местный орган «Уральский Листок» (вышло 14 номеров на гектографе), который пользовался большой популярностью среди рабочих, называвших его «своею газетою». Рабочие охотно корреспондировали в «свою газету» о всех случаях столкновений с местным начальством и о других фактах повседневной жизни. Передовицы «Уральского Листка» посвящались более общим вопросам, напр. о ростовских событиях, о 19 февраля, о декабристах и т. д. Первые номера «Уральского Листка» [27] печатались в количестве 120—150 экземпляров. Но уже с четвертого номера потребовалось второе издание, и все следующие номера расходились в Перми и других уральских заводах в количестве 400 слишком экземпляров. В виду недостатка литературы Пермскому Комитету Уральского Союза приходилось делать много перепечаток: статья из «Голоса Труда» (изд. бывш. об'единенн. Саратовской Группы), «Политический строй и рабочие», «Кто чем живет» Дикштейна и другие. Работая, главным образом, среди городского и заводского пролетариата, Пермский Комитет Уральского Союза в то же время, по возможности, старался будить самосознание и в крестьянской среде. На приобретение литературы, на печатание и другие расходы издержано местным Комитетом Уральского Союза за два года около 1.500 рублей. Заканчивая свою деятельность, Пермский Комитет Уральского Союза благодарит товарищей рабочих и других лиц, так или иначе помогавших ему в работе, и просит тех и других так же деятельно и энергично, как раньше, помогать работе Пермского Комитета Российской Социал-Демократической Рабочей Партии.

Пермь 1903 г.

Пермский Комитет Уральского Союза.

Пермский Комитет выпустил «Рабочий Бюллетень № 7». — Тверской Ком. издал листки: 1) по поводу арестов с 12 на 13 августа (1.200 экземпл.), 2) по поводу саровской комедии с мощами Серафима (около 1.000 экземпл.), 3) суд над Лопиновым (в сентябре). — Тульский Комитет распр. листок «Овцы и люди» (сентябрь). — Екатеринославский Комит. издал 5 октября листок «К обществу» и 7 окт. «Отчет кассы Екатеринославского Ком.» от 31 мая по 1 октября (приход кассы 1.081 руб. 54 коп., расход — 914 руб. 49 коп.). — Союз горнозаводских раб. выпустил листок № 17 (гект.) «Ко всем рабочим Юзовского металлургического завода» в 200 экземпл. и листок № 18 (гектограф.) «Ко всем рабочим таганрогских заводов» — 500 экземпл. — Нижегородское Общество Красного Креста издало свой годовой отчет. Вышли: 1) листок Центр. Ком. Южно-Русской Группы Учащейся Молодежи, 2) листок Бакинского Ученич. Ком. (4 сент.) выпуск № 6, 3) «К учащимся» — листок (гект.) «Социалистической организации учащихся в Вильне». — Костромским Комитетом издан листок: «По поводу „Дружеских Речей“ князя Мещерского к рабочим». (Нами, к сожалению, не получено ни одного экземпляра. Ред.).

ХРОНИКА РЕВОЛЮЦИОННОЙ БОРЬБЫ

Москва. В ночь с 4-го на 5 окт. у нас произошел провал, арестовано человек 30. Причины пока не выяснены. Сообщаем известные нам фамилии: Филатов, Ахромовский (учителя), Золотарев (помощн. прис. пов.), Савельев (студ.), Рывкин (зубн. врач), Иванова (статист.); курсистки: Коровина, Татаринова, Протопопова, Свиридова; Макушин (инт.), Крумбюгель (бывший студ.), Терехов (бывш. студ.).— В Риге и Митаве были аресты 29 сентября, подробности еще неизвестны. — Петербург. Из лиц, арестованных

в последнее время, называют: Торгашева, Дворянкину, пом. прис. пов. Тарутина, раб. Юнышкого, Парнофорта и др. — Каменец-Подольск. 15 октября из местной тюрьмы были отправлены по приговору (обвиняются в транспортировке) в Вост. Сибирь: Николай Кудрин (нелег.) на 8 лет, М. Вайнштейн на 5 лет и Цилия Даргольц (урожденная Липовецкая) на 5 лет. Местная интеллигенция собрала для ссыльных 85 руб. Десницкий и Гольдман обвиняются как члены Киевского соц.-дем. Комитета. На-днях был арестован возле границы некий Вольф. — С 28 августа в Харьковской тюрьме началась голодовка, продолжавшаяся до 5 сент.; сначала голодали только пять человек, сидящих с февраля и марта: Леонов, Матвеев, Огарев, Вороницын и Хорьков (раб.). Затем к ним 29, 30 и 31 августа присоединились все остальные заключенные, этапные и отбывающие наказание (число голодающих доходило до 20). Требованием было выставлено освобождение пяти вышеупомянутых заключенных. Причиной же, заставившей прибегнуть к такому средству, были систематические надувательства со стороны жандармов в течение всего лета. На седьмой день голодовки Вороницын и Т. Бибик были перевезены в земскую больницу. На девятый день голодовка прекратилась, так как Хорьков был выпущен, а остальным обещана высылка до получения приговоров. Харьков. Ком. Крас. Крес. были выпущены за время голодовки 3 листка (один «К врачам», по поводу предполагавшегося искусственного кормления голодающих). — В сентябре сидящие в Костромской тюрьме (23 чел.) об'явили голодовку, продолжавшуюся две недели. Местный Комитет выпустил по этому поводу листок.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК

Топкину. Письмо № 1 получено. Очень были рады. Пришлите адрес для писем. — Иванову. Письмо, а также материалы на № 26 получены. — Норе. Корреспонд. № 6 получена. — Чернушке. Не знаем, каким ключом пишите, не можем прочесть письма. — Акафистову. Письмо получено. Постараемся устроить, пришлите явку. — П. П. Адрес для писем получен. Напишем на-днях. — 34. Отчего от вас нет писем? — Щуровцу. Ждем писем. — Эдуарду. Спасибо за корреспонденцию. — Екатеринославскому Комитету. Ждем продолжения отчета с нетерпением. — Адрес № 18 отменяется.

Получено: от Лондонской соц.-дем. группы — 1 фунт; от Magenschmerz'a — 30 руб.; от Сибирского Союза через «разностороннего» — 500 руб.; для пострадавших от ростовской демонстрации через Венку 8,80 фр.

Вышло из печати: «В Сибирь и обратно», воспоминания Л. Дейча. Выпуск I.

Деньги и письма для «Искры», «Зари» и «Лиги русской революционной соц.-дем.», а также требования на литературу просим направлять по след. адресу:

Mr. Paul AXELROD, ACACIAS, GENÈVE (Suisse).

Типография «Искры».

ПРИМЕЧАНИЯ.

Прим. 1. Арбейтерштимме — центральный орган Бунда. Статьи в А. комментировали решения V с'езда Бунда, в резолюции которого о месте Бунда о Р. С.-Д. Р. П говорилось: «Бунд есть федеративная часть Р. С.-Д. Р. П.». Это положение противоречило Манифесту 1-го с'езда (1898 г.), указавшему, что «Бунд входит в партию как автономная часть, самостоятельная в вопросах, касающихся специально еврейского пролетариата».

Прим. 2. О прокламации Екатеринославского Комитета см. прим. 9-е к № 46 «Искры».

Прим. 3. Речь идет о «конституции 1791 г.», выработанной Национальным Учредительным Собранием во время великой французской революции, давшей равноправие евреям.

Прим. 4. Ренан, Эрнест (1823 — 1892) — знаменитый французский лингвист и историк, прославился работами по истории религий и особенно раннего христианства. В еврейском вопросе убежденный сторонник и борец за равноправие евреев. Как политический деятель, Ренан считал наилучшей формой правления для Франции либеральную конституционную монархию.

Прим. 5. Андреев Л. Н. (1871 — 1919) — выдающийся писатель. Накануне 1905 г. и во время революции был близок к революционным кругам. Революция отразилась, хотя и в несколько мистической форме, в некоторых его произведениях («Рассказ о семи повешенных», «Царь Голод» и др.). В эпоху реакции Андреев отходит от революционного движения. Все его произведения этого периода проникнуты духом мистицизма и безысходного пессимизма. В годы войны Андреев стоит на патриотической позиции и сотрудничает в реакционной «Русской Воле». После Октября — эмигрант и враг советской власти.

Прим. 6. О Таганрогском процессе — см. в № 48 «Искры». Брошюра «Таганрогский процесс» вышла в издании «Искры» в 1903 г.

Прим. 7. О деле Золотовой — см. «Искра» № 22, ст. «Блюстители правосудия» и № 34, ст. Л. Мартова «Изволят тешиться».

Прим. 8. Об июльских событиях в Киеве см. корреспонденции в №№ 46 и 47 «Искры».

Прим. 9. Статья «Еще о Тартюфах» помещена в № 41 «Искры» и принадлежит Троцкому.

Прим. 10. О гомельских событиях см. «Искра» № 48, «Еврейский погром в Гомеле».

Прим. 11. Фон-Валь, В. В. (р. в 1840 г.) — виленский губернатор, известен своей жестокостью в борьбе с рабочим движением. В 1902 г. распорядился выпороть арестованных рабочих демонстрантов. Мстя за товарищей, бундовец Г. Леккерт покушался убить его, но неудачно. Легко раненый Валь получил вскоре повышение и был назначен товарищем министра внутренних дел и командующим корпусом жандармов.

Прим. 12. Стачка горнорабочих в Юзовке в 1892 г. сопровождалась большими рабочими волнениями и разгромом фабричных помещений; некоторые, особенно ненавистные рабочим, представители администрации поплатились даже жизнью. Рабочие волнения в Юзовке сплелись с холерными бунтами в связи с свирепствовавшей эпидемией холеры. Стачка была подавлена при помощи вооруженной силы. Организаторы ее были преданы военному суду. Постановлением суда несколько человек было повешено, остальные сосланы в Сибирь.

Прим. 13. О Сибирском Соц.-Демокр. Союзе см. «Искру», № 40, прим. 10-е.

Прим. 14. Стачка текстилей на Хлудовской мануфактуре в Егорьевске Рязанской (теперь Московской) губернии 1893 г. отличалась особенным упорством. В процессе борьбы хлудовские рабочие были поддержаны всеми остальными фабриками Егорьевского района. Это один из первых в России случаев всеобщих забастовок, хотя и в небольшом сравнительно фабричном центре. Стачка была подавлена вооруженной силой.

Прим. 15. Плевако Ф. Н. (1843—1908)—адвокат, выдающийся оратор, принимал участие в качестве защитника в многочисленных судебных процессах 80-х и 90-х годов, неоднократно защищал рабочих, обвиняемых за забастовки (процесс Моисеенко, егорьевских ткачей и т. д.). После революции 1905 г. вступил в партию октябристов, примыкая к ее левому крылу. Был членом III Гос. Думы.

Прим. 16. Петров Григорий (р. в 1868 г.) — священник. Принимал активное участие в общественном движении как лектор, публицист и проповедник. Член II Гос. Думы. В своих выступлениях Петров резко критиковал распущенность церкви и призывал к возвращению к евангельским нравам. Свою евангельскую пропаганду он называл христианским социализмом. За свою деятельность Петров подвергся преследованиям полиции и был лишен священнического звания.

Прим. 17. Саказов Я. — лидер крайне-правой группы болгарской соц.-демократии. При расколе партии в 1903 г. на «тесняков», проводивших выдержанную ортодоксально-марксистскую линию, и «широких», склонявшихся к сотрудничеству («обходительству») с буржуазией и теоретической ревизии марксизма, руководил последними. В 1908 г. на конференции, оформившей «широких», как отдельную «об'единенную» партию, был избран в Ц. К. партии.

Прим. 18. Радославов В. (1858 — 1923) — основатель болгарской либеральной партии (так называемой радославистской). Начиная с 1884 г. был несколько раз министром. В 1913 г. сделался премьер-министром и, будучи германофилом, сильно способствовал сближению Болгарии с Германией и вступлению ее в империалистскую войну на стороне Четверного Союза. В 1918 г. после поражения Болгарии Р. ушел в отставку.

Прим. 19. Благоев Д. (1855—1924) — основатель и вождь болгарской коммунистической партии, старейший деятель русского революционного рабочего движения, один из организаторов Коминтерна. Будучи студентом Петербургского университета, принимал активное участие в работе партии «Народная Воля», вскоре эволюционировал к марксизму и основал первый в России социал-демократический кружок (группа Благоева). В 1885 г. был арестован и выслан в Болгарию, где основал болгарскую соц.-дем. партию. В 1903 г. во время раскола партии был лидером ее левого революционного крыла «тесняков». В 1919 г. после организации болгарской коммунистической партии был избран председателем ее Ц. К.

Прим. 20. «Красный Народный Календарь» — ежегодный теоретический орган болгарской соц.-демократии.

Прим. 21. Македонское национально-революционное антитурецкое движение и турецкие зверства в Македонии использовались болгарскими националистами как доказательство необходимости присоединения Македонии к Болгарии. Поэтому социалистические партии и в частности болгарская соц.-демократия, высказывая сочувствие македонскому национально-освободительному движению, в то же время считала необходимым разоблачать политику болгарских националистов.

Прим. 22. Так называемый «Закон Мильерана-Кальяра» был принят палатой депутатов 30 марта 1900 г. По этому закону во всей Франции устанавливался максимальный 11-часовой рабочий день. С 1902 г. по этому закону рабочий день уменьшался до $10^1/_2$ часов и с 1904 г. — до 10 часов.

Прим. 23. «Третьим периодом» в истории Р. С.-Д. Р. П. Ленин называет «период разброда, распада и шатаний», связанный с господством экономизма (Собр. соч., т. IV, стр. 499). Ликвидация третьего периода была главной задачей «Искры».

Прим. 24. Осенью 1902 г. Петербургский Комитет принял резолюцию о присоединении к «Искре»; экономисты ответили на это расколом и образованием особого «Комитета Раб. Организации». Такой же раскол произошел в Екатеринославе, где экономисты отняли у искровцев типографию и выпускали против них печатные листки.

Прим. 25. Об Уральском Союзе Р. С.-Д. Р. П. см. прим. 14-е к № 38 «Искры».

Прим. 26. О Мотовилихинской стачке см. корреспонденцию в № 46 «Искры».

Прим. 27. Газета «Уральский Листок» в архиве Истпарта Ц. К. В. К. П. (б) не сохранилась. В архивах уральского истпарта также не сохранилось сведений о ней.

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ.

Страница	*Столбик*	*Строка*	*Напечатано:*	*Следует:*
64	II	5 сверху	[В. Кнуньянц]	[Б. Кнуньянц]
77	I	18 снизу	Ольга [Громан]	[Ольга Громан]
96	II	24 сверху	(июнь 1900 г.)	(июнь 1902 г.)
108	I	28 снизу	Ольга [Громан]	[Ольга Громан]